

The top half of the book cover features a photograph of the Eiffel Tower in Paris, France, set against a dramatic sunset sky with large, golden clouds. The city skyline is visible in the background, with various skyscrapers and buildings. The bottom half of the cover is a solid orange color.

16+

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВ
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН 2

Александр Кириллов

Время перемен 2

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Кириллов А. Л.

Время перемен 2 / А. Л. Кириллов — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-95680-3

Находясь на срочной службе, Виктор Калинин со своей частью попал в Афганистан. Снова оказавшись на войне, герой смог зарекомендовать себя хорошим солдатом и удачливым командиром. В результате ему предложили остаться в армии на сверхсрочную, перейдя служить в войска специального назначения.

ISBN 978-5-532-95680-3

© Кириллов А. Л., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1. Здравствуй, Афганистан	5
Глава 2. Первое дело	12
Глава 3. Лекарство от старости	19
Глава 4. Пленение барбухайки	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Кириллов

Время перемен 2

Глава 1. Здравствуй, Афганистан

Месяц учебы пролетел незаметно и пехота, загруженная в стоящие длинной колонной грузовики, двинулась пылящей и гремющей змеей по дороге, выходящей между барханов в Афганистан на город Герат. Мы ехали в кузовах грузовиков, с интересом глаза по сторонам, но наблюдая лишь унылую картину, как начинающие зеленеть оазисы, закрытые со всех сторон холмами, создающими теплый микроклимат, сменяются холодными ветренными полупустынями, а затем безводными, оттого и безжизненными, восточными отрогами хребта Копетдаг, ограничивающее с севера Иранское нагорье. Здесь закон жизни простой: есть река или бьющий из-под земли источник – есть оазис и жизнь, нет воды – вокруг пустынная местность.

Герат стоял в долине крупной для Афганистана реки Герируд, которая текла с южной стороны Герата, но и недалеко от городка Гузара, расположенного примерно в десяти километрах севернее столицы провинции. Главным источником питания крупных рек в Афганистане являются талые воды, спускающиеся с горных ледников. Весной и летом случаются паводки, заливающие все вокруг. Большую часть воды отводят для орошения полей, поэтому во второй половине лета реки сильно мелеют. Река Герируд, питающаяся водами с ледников Гиндукуша, имеет множество притоков, давая жизнь прилегающей земле и людям на ней живущим. Поэтому в долине реки, в отличие от предыдущей дороги, «зеленки» было очень много, особенно весной и летом. Бесчисленные сады, бахчи, рисовые поля, ореховые, кизилловые и иные рощицы, окружающие кишлаки, скучившиеся в этом зеленом оазисе, являлись очень тяжелым местом для поиска боевиков, которые просто растворялись в этой зелени и постройках после проведения диверсий. Ловить их тут было очень проблематично и почти бесполезно. А далее река Герируд уходила к Ирану, являясь естественной границей между государствами, неся свои воды в Туркмению, где терялась в пустыне Кара-кум.

В провинции дислоцировалась 5-я отдельная гвардейская мотострелковая дивизия, но были и другие части ограниченного контингента советских войск или сокращенно ОКСВ, в том числе летчики, тыловики, медики, радисты, артиллеристы и десантники. Прибыв в Герат, Ананченко отправился в штаб советской группировки в этой провинции, а конкретно в штаб этой самой пятой гвардейской дивизии, где получил команду выдвигаться в город Гузара и встать там, закрыв юго-западный рубеж обороны Герата и аэропорт.

Дотарахтев до Гузары, мы расположились в оборудованном полевом лагере, с несколькими блиндажами, закопанными в землю складами, рядами палаток, окопами по периметру и пулеметными гнездами, сменив там стоявшую ранее часть. Сразу обнаружили армейский магазинчик военторговский «чипок». Некоторые шутники ради забавы придумали его расшифровку, как "Чрезвычайная индивидуальная помощь оголодавшим курсантам". Лично я читал, что это название идет с начала советской власти в Красной армии, как "Часть индивидуального продуктового обеспечения красноармейцев". В общем, откуда взялось это название, нам было все равно, а вот то, что этот ларек был на территории нашей новой части, нас, несомненно, порадовало. Выделили нам палатку на отделение, где мы и расположились.

Сам Гузара был местным городком с мостящимися в центре один над другим мазанными глиняными домами без дворов, как таковых, а те жители, что были позажиточнее, все же отжимали себе площадь и огораживали свой дом таким же глиняным забором. А вот к окраинам вокруг домов, выходящих фасадом на улицу, уже были дворы с садами, но никак между соседями по бокам не огороженными. Также тут были склады, в том числе военные, и какие-то

полукустарные производства, этакие афганские фабрики. Собственно говоря, Гузара являлась довольно примитивной по оснащенности промышленной зоной или индустриальным районом Герата. Восточнее располагался Гератский аэропорт, где стояла советская вертолетная часть. Кроме нас в окрестностях городка и вокруг аэродрома дислоцировалась пара батальонов моторизованного полка, была ремонтная часть и склады, в общем, солдат было много.

Обустроившись, начались вводные по различным направлениям: политическая обстановка, общие сведения о противнике, менталитет афганца и общение с местными жителями, ведение горного боя, радиосвязь, тактика проведения зачисток кишлаков и местности, и ряд аспектов, касающихся местного бытия солдат.

Политработник прочитал нам лекцию о том, что мы поддерживаем правительство социалистов во главе с Бабраком Кармалем, которого совсем недавно сменил Наджибулла, более решительный и молодой лидер. Тут мне вспомнился анекдот про нашего генсека «Брежнев читает доклад: «С бабой раком – нет, раком с бабой – нет, с Бабраком Кармалем...».

«Так вот, – вещал он дальше, – мы воюем с радикальными исламистами, объявившими законному правительству дружественного нам государства священную войну – «джихад». Множество сформированных отрядов из обычных малообразованных граждан пуштунских племен, ставшими моджахедами или душманами, что в переводе с пушту означает «враг», являются ключевой противоборствующей силой, с которой и ведут войну советские войска вместе с дружественным правительством Афганистана. Вместе с тем, сейчас руководством страны взят курс на помощь правительству Афганистана в отношении установления примирения, делаются определенные политические шаги к выводу советских войск».

Дальше выступал военспец, а точнее, контрразведчик подполковник Пономаренко Алексей Петрович, осветивший военные задачи, которые нам предстоит выполнять: «В настоящее время, товарищи бойцы, методы войны несколько изменились. Уходят в прошлое общевойсковые операции с привлечением полноценных дивизий и даже целой 40-й армии. Сейчас наблюдается снижение крупных военных стычек и переход к поддержке войск Афганистана. В этих условиях особую роль приобретают истребители вражеских диверсионных групп и саперные отряды. Америка и арабские монархии Персидского залива оказывают финансовую и военную помощь моджахедам, в частности, исламистам поставляются американские ПЗРК «Стингер», минно-взрывные средства, в том числе пластид с радиоуправляемыми взрывателями, боеприпасы и так далее. Кроме этого непосредственно ЦРУ проводило и проводит операции, направленные против СССР. Так что, товарищи новоиспеченные интернационалисты, вам надо быть готовыми к тому, что можете столкнуться не только с моджахедами, но и с иранскими, пакистанскими, арабскими и даже американскими диверсионными группами. Нам противостоят формирования вооружённой афганской оппозиции, партии: «Исламское общество Афганистана» с лидером Бурханудином Раббани; военно-политический союз «Пешаварская семёрка»; «Хэзбе Алла», «Движение исламской революции», «проиранские» исламские партии «Шиитская восьмерка» с лидерами Каримом Ахмадом «Як Дастэ», шейхом Насруллою Мансуром; различные международные шиитские группировки, также входящих в «Западную объединённую группировку» под общим командованием полевого командира Исмаил-хана, жесткого и умного руководителя, сделавшую карьеру от обычного кадрового капитана афганской армии до влиятельного эмира. Так что противники серьезные и фанатично настроенные против нас и социалистического правительства Кармалю. В ходе службы в ваши задачи будет входить предотвращение любых попыток поставки оружия из других стран, при случае, уничтожение караванов с наркотиками, а также поддержка военных операций, проводимых правительственной армией Афганистана, защита автоколонн по трассе «Кушка-Герат-Кандагар», а также ее ответвлениями на Шинданд и Фарах.

«Товарищ подполковник, а что-то известно про Исмаил-хана?

– Женат, семья проживает в Тайабате в Иране, крайне жесток, лично расправляется с пленными и отступниками, очень скрытен, под его началом по очень условным данным воюет порядка 20 тысяч стволов, пользуется авторитетом у местного населения, так как запрещает своим подчиненным их грабить.

– Действительно, грамотный начальник, не пилит сук, на котором сидит.

Пару недель мы адаптировались, привыкая к местной специфике несения службы: пехотные части несли свою караульную службу, а разведбат отдыхал, то есть тренировался, но никто нас на задания не посылал.

Видя на ряде старослужащих разгрузочные жилеты, я поинтересовался у прапорщика интендантской службы, как и где их можно их получить, потому что нам никто ничего подобного не выдал.

– А нет их у меня, точнее наша промышленность их хоть и стала шить, но почему-то в небольших количествах и уходят они в спецназ. Вы или сделайте или добудьте в бою у душманов.

Хм, я озадаченно почесал затылок: «Как говорится, СССР думал о мире во всем мире, готовился воевать на широких просторах танковыми армиями и ядерными боеголовками. А вот к локальному конфликту армия оказались совсем не подготовленной».

Пообщавшись с «дембелями» из моторизованной части, я узнал, как их можно заполучить.

– Младшой, для хранения и переноски магазинов к автомату предназначен штатный подсумок.

– Да знаю я, но он неудобный.

– Естественно, подсумок не очень удобен и в мирное время, а уж тут в горах, да еще во время боя, он просто невыносим. Поэтому разгрузку мы все добывали или изготавливали самостоятельно.

– А из чего делали?

– Берешь рюкзак типа «РД-54», дошиваешь на него карманы – вот тебе и готовый «лифчик» или кромсаешь плащ-палатку, тоже нормальная разгрузка получится, ну, а если руки не из того места растут, то достань у «духов» в бою. Вот мы взяли китайские, они в комплекте с АК поставляют разгрузочные жилеты под маркировкой «Тип-63» или «Чи-Ком».

– Спасибо за совет.

– Давай, младшой, удачи тебе в бою и живым вернуться домой.

– Спасибо, братцы.

В общем, выпросили мы у прапора десантные рюкзаки РД-54 и дошивали на него дополнительно несколько карманов, чтобы вставить в него по паре автоматных рожков и гранат, и нож.

Своему отделению я донес до сведения: «В общем, это конечно извращения, поэтому надо будет в бою промышленный китайский достать, но, а пока и этот сойдет».

Еще комроты возложил на меня, а я на отделение разобраться с переданной матчастью, в основном это были радиостанции на весь полк.

«Значит так, Сомов и Сулин, приказываю проверить комплектность и исправность всей этой груды радиостанций. Все то, что не работает, проверить, привлекаете меня, если что, может быть и сами исправим, а если нет, то подготовить сопроводилровку и отправим в Союз на рембазу в Орехово-Зуево. Вспомнили, куда мы направляли неисправную технику из нашей части в Пятигорске, когда молодыми «духами» были?

В основном это были переносные радиостанции: командирская типа «Р-159», работавшая в УКВ диапазоне и способная обеспечить надежную радиосвязь на дальности до 40 километров при разворачивании 40-й метровой антенны «бегущей волны», многосекционной штыревой или штыревой антенны Куликова, переносная транзисторная КВ-УКВ радиостанция

«Р-107М», весящая с аккумуляторами за 18 кг, а также многоканальная коротковолновая радиостанция «Ангара», которая при разворачивании антенны «симметричный диполь», позволяла связываться на дальности до пятисот километров, а при хороших условиях прохождения радиоволн, и более.

Ребята пару дней колупались с 15-ю радиостанциями, четыре из которых подготовили к отправке на ремонтную военную базу, а одну мы восстановили, запаяв треснувшие контакты на плате. Радиостанции были должным образом упакованы и подготовлены сопроводительные документы, которые Диод лично подготовил на печатной машинке в нашей полковой канцелярии с описанием неисправностей.

Ананченко «подмахнул» письмо и груз с очередным «обозом» ушел в Союз. Через пару месяцев нам вернулись три радиостанции, а в сопроводительных документах было письмо-приписка «подполковнику Ананченко лично в руки», в которой говорилось: «Товарищ комполка, зачем же вы нас так обижаете» и была приложена «синька» нашего письма с обведенной красным цветом опечаткой.

Вначале наше начальство ржало, а потом вызвало меня и Диода и вставило нам по самое «23 февраля». На «ксерокопии» в штампе с адресом вместо города Орехово-Зуево, было напечатано Орехово – *уево. Что делать, буквы «х» и «з» расположены рядом на машинной клавиатуре, опечатки могут иметь место, особенно, если рифмуешь «на автомате». В будущем я лично несколько раз перечитывал «сопровод», чтобы везде было именно Зуево.

Подошел я с нашими радистами батальона к прибывшему с инспекцией «как молодое пополнение входит в курс дела» начальнику связи нашего гарнизона майору Шибанову, на груди у которого был орден «Красного знамени».

– Товарищ майор, Юрий Георгиевич, вы человек опытный, два года тут служите, поделитесь советами по использованию радиосвязи в данной местности.

Шибанов не стал кочевряжиться и ответил: «С удовольствием подскажу, с чем мы столкнулись за эти годы в Афганистане. Обычно для оперативного управления используются простые армейские КВ радиостанции, способные работать в телефонном режиме. Они позволяют в телеграфном режиме передавать зашифрованные радиогаммы в то время, когда обстановка спокойная. Тогда же, когда группа вступает в бой, особой секретности уже не требуется, и можно было работать в телефонном режиме, то есть просто говорить в симплексном режиме.

Однако, в этом случае моджахеды, имевшие на вооружении новейшие японские радиостанции, позволявшие сканировать эфир и определять рабочую частоту наших, частенько создавали на нашей частоте помехи. Для этого использовались как простейшие индикаторы случайных колебаний, забивающие нашу рабочую частоту, так и речевые помехи. Какой-нибудь «дух» влезает на нашу частоту и начинал тарыхтеть без умолку, буровя какую-нибудь абракадабру или просто слово, например, «бала-бала-бала». Переход в этом случае на запасную частоту малоэффективен, поскольку и она сканировалась и быстро забивалась. Так что в своих походах имейте это в виду.

Теперь по поводу самой радиосвязи. В горах существует проблема установления КВ радиосвязи. Особенностью КВ связи является свойство дифракции – волны способны огибать складки местности. Имеющиеся на вооружении наших частей КВ радиостанции обычно обеспечивают связь на открытой местности на расстоянии нескольких сотен километров, но крупные горы могут снизить дальность КВ связи до 10 километров. В походах мы столкнулись с тем, что КВ связь часто пропадала при перемещении соединений по горным дорогам, а также в «мертвых зонах» на противоположной стороне гор.

Для организации устойчивой КВ связи мы применяем различные способы, например:

1. Выбор для разворачивания радиостанций таких мест, которые разделялись узким горным хребтом. Радиостанции разворачивались вдали от подножия хребта, и передача велась на вершину самой высокой горы.

2. Развертывание радиостанций вдали от гор на дистанции, как минимум равной величине склона между подножием горы и ее вершиной.

3. Развертывание радиостанций на командных высотах для обеспечения прямой видимости между радиостанциями и горными вершинами, мешающими прохождению сигналов.

4. Развертывание радиостанций таким образом, чтобы связь осуществлялась через одинокую возвышенность, а не через серию вершин и ущелий.

Все это есть теория распространения радиоволн, основные положения которой радистам надо знать. Также можно отметить другие сложности при обеспечении связи. В связи с тем, что почва в горах каменистая и сухая, у наших связистов возникала проблема при установке антенно-мачтовых устройств и самой антенны. Сильные горные порывы ветра и уклон поверхности значительно усложняли ориентирование и установку антенн. Нельзя не учитывать и погоду, характерную для той местности. Не секрет, что в горах преобладают низкие температуры и снежные бури, а также грозы. Обледенение проводов происходило стремительно и значительно снижало мощность, а значит и дальность, передаваемого сигнала. Помимо всего прочего необходимо учитывать возможность попадания в антенну молнии. Правда это в большей степени касается радистов-стационарщиков и тех, кто служит в Кандагаре, Кундузе и под Кабулом, где горы значительно выше. Здесь же в провинции Герат вам будет попроще.

– А еще вопрос можно?

– Давай.

– А за что вы орден получили?

– За Кандагар, а вот скоро уезжаю в Союз, пора домой.

А еще мы видели, что почти каждый отбывающий на родину офицер и прапорщик стремился привести домой магнитофон «Трайидент» или «Шарп» с «джентльменским набором», состоящим из кейса – «дипломата», в котором лежали джинсы, батник, солнцезащитные очки и платок для матери.

Как-то раз мы видели бойцов спецназа ГРУ или КГБ, которые использовали наш лагерь, как перевалочный пункт и, судя по всему, должны были в ночь уйти на задание.

Наблюдали мы случай, когда бойцы полковой хозроты вдвоем вытащили из грузовика и понесли половину замороженной туши коровы, которые они привезли со складов из Герата для пополнения нашего пищевого склада. Глядя, как парни корячатся, спотыкаются, передыхают, вываливая тушу о глинистую землю, и безбожно при этом ругаются, к ним подошел крепкий уса́тый парень, забрал тушу и сам быстро дотащил ее до помещения склада.

«Спасибо большое, а как вас зовут-то?» – спросил один из парней.

– Кот.

– Да по прозвищу как-то неудобно, а имя ваше?

«Кот», – ответил спецназовец и ушел к своим.

– Кент, вот ты здоровый и грамотный боец, а справился бы с таким спецназовцем или американским джи-аём?

«В рукопашке на татами? С молодыми, но уже считающими себя асами, вполне могу справиться, а с офицером или прапором профи вряд ли – уделают меня «на раз». Если в бою, то там иной расклад, но опять же, если он спец по горам как, например, в этой местности, то вероятнее всего, он выследит меня, а не я его, и в итоге пристрелит или зарежет, а вот в лесу, да и, пожалуй, что в степи, то «надо посмотреть» – там и я неплохо себя чувствую», – ответил я и чуть было не добавил, что в прошлом большой опыт был, но прикусил язык.

– Кент, а когда это ты в степи-то научился воевать?

– Во сне, Ромео. Все разговоры о том, кто кого сильнее, очень субъективны и зависят от конкретной ситуации. И профи может проиграть новичку.

Тут я вспомнил Бурята – хрен такого в лесу и натасканный профи ГРУ поймает, а вот, наоборот вполне вероятно и 80 % я бы поставил на Бурята, а 20% на случай, офицеры спецназа

тоже свой хлеб не зря едят. Но, все же, тут я думаю, что победит потомственный охотник, именно человек природы. Читал, что есть снайпера со специализацией «охотник на охотника» или «тарантулы», с развитым сверхчутьем, но проявляющие свой природный или раскрытый дар чувствовать живых существ, работая только в природных условиях. Но думаю, что таких специалистов, все же, немного.

Тут меня и еще ряд командиров отделений вызвал комроты Петров: «Товарищи сержанты, время отдыха прошло, завтра отделения уходят в поиск. Получайте карты местности и изучайте свою зону ответственности, так как для каждого отделения определен свой район поисковых действий».

До нас довели, а мы отметили на карте, местоположения известных нашим частям караванных путей или троп, проход по которым моджахеды постоянно меняли по времени, то есть два каравана пройдет по этому маршруту, и все – тишина на несколько недель. А боевики-погонщики гонят навьюченных ослов или лошадей с оружием или иными грузами более длинными, но другими маршрутами, а затем, снова возвращаются сюда.

Так и начались наши дежурства. Мы выходили на задания, рыскали по горам, сидели в засадах, дежурили на дороге Талбат-Гузара-Герат, выборочно проверяли идущих по ней селян, везущих какие-то фрукты, мешки с зерном или овощи в своих арбах, с запряженными в них осликами, таких же, на каких возили еще их прадеды, или в тюках, перекинутых по обе стороны осла, или бредущих пешком, путешествуя сами или со своим семейством, то есть с кучей детишек и женщин. Все это казалось так непривычно, патриархально и было присуще только мусульманскому востоку.

Но пока все дежурства были для нашей группы вхолостую, никаких подвигов и захватов мы не осуществляли, не могли никого найти. Даже в составе взвода участвовали в прочесывании кишлаков, но все было тихо и мирно, «духи» хорошо маскировались под порядочных «декхан».

Иногда мы выходили в увольнительную в городок или, точнее сказать, большое село Гузару. Шатаясь по городку, а выходили мы по несколько человек и старались держаться в прямой видимости друг друга, я вышел на центральную площадь, к которой примыкал местный восточный базар. Гуляя по рынку, я подошел к одному торговцу, который торговал всем, чем можно: одеждой, посудой, бэушной бытовой техникой, какими-то отвертками и всякой мелочевкой. Среди лежащих на убогом деревянном прилавке вещей я увидел простенькую «Leica». Этот немецкий фотоаппарат был непримечательным и компактным, правда, со слабым объективом, но вполне мог сгодиться для работы в наших условиях. Я обратился к торговцу на дари: «Как зовут уважаемого торговца?»

– Саид мое имя, уважаемый младший сержант.

– Почему «Лейка»?

– Хороший аппарат, стоит всего ничего – 200 долларов.

– Хороший торговец, хорошая цена, но я ведь тоже хороший покупатель, возьму у тебя его за 10 долларов.

«Уважаемый сержант, – вдруг довольно прилично заговорил по-русски Саид, – это очень несерьезная цена».

– Хорошо русский знаешь, где учился?

– Давно вы тут воюете – выучил, а у меня еще родственники в Туркмении живут, туркмен я.

– Хорошее дело, значит, симпатизируешь Союзу.

Тот замялся, но согласился со мной: «В общем, да».

– Саид, у меня нет долларов, есть русские рубли, но я поглядел на твой ассортимент и думаю, что стану у тебя со временем постоянным клиентом, когда заведется монета.

– Ты думаешь, что сможешь стать постоянным клиентом. Хочешь прожить долго тут?

- Помирать не тороплюсь.
- А что будет интересовать будущего постоянного клиента?
- Одежда афганского воина человек на 10-12, переносные радиостанции «Motorolla», «Kenwood», «Yaesu» или какие будут с обвесом, то есть зарядкой и гарнитурой.
- Хорошие заказы, тоже 10-12 штук, а еще?
- Тоже на 10-12 человек и слухи, кто что говорит.
- Слухи бывают разные, например, есть слух о том, что Фатима, бедная женщина, купила себе мясорубку, а у нее нет мужа – погиб от неверных, нет постоянного дохода. Спрашивается, зачем ей мясорубка, если денег нет даже для чечевицы?
- Хм, хорошие слухи, запиши на мой счет стоимость информации, а где живет эта бедная женщина?
- В конце улицы имени Насруллы, у нее над дверью частенько висит красный платок.
- Саид, спасибо, возьми этот советский столик, ты человек умный, пристройшь его, больше у меня с собой нет, да и зарплаты у нас «ни о чем».
- Я знаю зарплаты рядовых и сержантов-срочников.
- Немного позже я найду деньги.
- Ты заказал действительно дорогую для афганцев технику, но она, скорее всего, будет бэушная, хотя, кто знает.
- Естественно.
- Одежда будет почти новая, но если что, то сами постираете. И все это, со всем уважением, будет, как только будут доллары – не от меня зависит.
- Все понимаю, будут «зеленые» – подойду.
- Вот такие расценки на комплект одежды и на радиостанции, почти без бакшиша себе. Я прикинул цену на новые, на то, где эти новые тут можно купить, а нигде, и на их необходимость для нас: «Хм, хорошо, пусть будет так. Ты в Герате будешь брать?»
- Не только, но это, со всем почтением, моя тайна. В Герате ты не найдешь дешевле, разве что полный хлам.
- Ребята стояли и терпеливо ждали, когда я закончу общение с Саидом.
- Долго ты с ним болтал.
- Запомните его, это туркмен Саид, он должен нам достать радиостанции «уоки-токи», чтобы мы могли переговариваться в горах, а не бегать друг к другу, и одежду душмана, но нужно несколько тысяч «бакинских», то есть баксов.
- Чего нужно?
- Долларов.
- А где же мы их возьмем?
- Трофеями у убитых душманов, а сейчас пойдем, поищем улицу Насруллы. Токарь, читай все вывески и ищи это Насруллу. Там будет дом бедной женщины Фатимы, у которой не хватает денег на чечевицу, но которая купила мясорубку, а еще периодически вывешивает красный платок над разрисованной дверью у входа.
- Думаешь что...
- Доверяй, но проверяй. Нельзя доверять полностью Саиду, но проверить его слова надо.
- А как мы проследим за домом, увольнительная закончится и все.
- Пойду к комроты Петрову, затем к «контрику», там и разберемся.

Глава 2. Первое дело

Комроты старший лейтенант Валерий Петров, начальник штаба полка Ларионов, Ананченко, Пономаренко вначале по очереди, а затем, собравшись все вместе, выслушали мои соображения и решили попробовать прощупать этот «хвостик».

Пономаренко сказал: «В принципе, товарищи, мы ничего не теряем, если установим наблюдение за домом этой Фатимы. Осталось определить, кто и как будет вести наблюдение, у кого какие соображения, прошу высказываться».

«Надо осмотреть место, можно ли устроить засаду, откуда виден дом, потому, что близкое наблюдение, я так понимаю, не установишь – засекут», – высказал соображения Ананченко.

«Так точно, сложно там устроить пункт наблюдения. Мы поверхностно осмотрели место, то есть просто прошли по улице мимо дома, но установить скрытный наблюдательный пост нереально. За заборами слышен детский гомон, по улице носятся или таскают в казанах воду из колодца, что на углу улицы, корзины с фруктами или овощами – эти чада обязательно наткнутся на нас в своих садах. Также я не смог заметить в поле зрения какой-нибудь холм, на котором можно залечь и в бинокль наблюдать за двором. Поэтому, на мой взгляд, где-то рядом с колодцем можно посадить бродячего дервиша, который будет «отдыхать» у воды и, по ходу дела, просить милостыню, еще раз два в день направлять по улице переодетых в гражданское таджиков или узбеков из наших солдат.

– А где мы дервиша найдем и, вообще, давай поподробнее, кто это?

– Я совсем точно не скажу, но в принципе, это странствующий монах, проповедник суффист или суфия, то есть несущий людям философию мусульманства, уважаемый человек. Его не прогонят, накормят – это плюс маскировки.

– А минус какой, Калинин?

«А минус – это то, что к нему могут обратиться с вопросами и за помощью», – добавил Пономаренко.

– Так точно, товарищ подполковник.

– И где нам найти знатока мусульманства?

– Не знаю, товарищ подполковник.

– Тогда дервиш отпадает, если его разоблачат, то и убить на месте могут, а мы не успеем помочь.

– Так точно, тогда может просто под бродячего нищего «закосить»?

– Это, Калинин, ближе к теме, есть на примете кого переодеть?

– Ефрейтор Сомов, невысокий, темный, загорелый, усиленно изучает местное наречие, в принципе можно его запустить побродить по городу, периодически пусть подходит к колодцу «отдохнуть».

«Надо будет народ в наряды в город направить на дежурства, чтобы его могли наблюдать в контрольных точках», – подумав, сказал контрразведчик.

«Да, парня надо подстраховать», – согласился Ананченко.

«А чего мы так все усложняем, пустить по той улице патрули и пусть наблюдают», – спросил Ларионов.

«Понимаешь в чем дело, там окраина и патрули туда не заходят, а если они будут там мелькать даже два раза в день, то это вызовет подозрение», – сказал Пономаренко.

– А почему два раза?

– Ну, а вдруг платок будет вывешен утром, а связной придет днем.

– Может и днем, но скорее, что всего ночью заявится или заявятся.

«А ночью я с напарником буду дежурить. Аккуратно проберемся в сад и ляжем там», – сказал я.

Меня осмотрели и резюмировали: «Смотри, на помощь можем не успеть, так что действуй по обстановке. Кто нужен?»

– Пара парней из моего отделения и Токарь, он лучше всех нас язык понимает или же кто-то из наших этнических туркмен.

Операция по поимке шпионов началась. Несколько дней на улице появлялся нищий бродяга, попить дармовой водички, да съесть брошенное ему кем-нибудь из местных жителей яблоко или отсыпанный в ладошки урюк, но красного платка не было. На третий день решено было из города «выгнать бродягу» чтобы он прогулялся в сторону Герата, засветился в паре тройке кишлаков и снова вернулся бы в наш городок. В качестве дежурной смены было наше отделение, патрулирующее улицы Гузара, а в этом районе еще пара отделений пехотной части. Иногда мы заходили в дома, где я с улыбкой, чтобы не пугать местных жителей спрашивал: «Здравствуй хозяйка или хозяин, вы всех знаете, моджахеды не появлялись, а чужих неверных не видели?»

Люди реагировали по-разному, кто-то отнекивался, кто-то говорил, что кроме шурави, других кафиров не видел в городе.

Мы выходили и высказывались вслух: «Вот же козлы, не видели они кроме нас, советских солдат, никаких неверных!»

Зайдя в один дом, увидели плачущую женщину, которая на наш вопрос о причинах ответила, всхлипывая: «Муж поранился».

Мы сразу перевели автоматы в боевое положение, отчего напугали ее еще сильнее.

«Показывай!» – сказал Ромео и двинулся вперед, показав женщине идти первой.

Она кинулась нам объяснять и, хотя, мы половину не поняли, но общий смысл уловили. Этот перец полез на крышу, чтобы поправить дырку, которая образовалась из-за ветра, и свалился.

Зайдя в общую комнату глиняного дома или дувала, как они его называют, стены которого были обиты изнутри хлопковым материалом, а вот ковров не было – дорого для них, увидели лежащего на специальной подстилке на полу, кроватей-то у них нет, оказывается, чего я раньше не знал, мужчину и натекшую лужу крови. Рядом сидели по паре мальчишек и девочек и протирали ему ногу.

– Ромео, зови Дока, работа для него есть.

Вскоре из почти соседнего дома на этой же улице, прибежал Док, входящий в другую тройку проверяющих.

– Что тут у нас? Аха, сильно порвал ногу, обо что-то он зацепился или на что-то упал, и, похоже закрытый перелом голени. Серьезное дело, но будем лечить.

Миша достал свою походную сумку, из которой на свет стали появляться бинты, иголка с шелковой ниткой, деревянная палочка для зубов, пузырек спирта.

– Док, у него что, вена или артерия перебита?

– Нет, иначе он вытек бы уже весь, просто большая рваная рана, вот и много крови натекло, перелом опаснее – рентген бы сделать, да где же его взять. Так замотаем, ищите мне лубки.

Я вышел во двор и долго выбирал, что сломать, потом мне искали топор, чтобы отрубить ветки, а пару более-менее ровных абрикосовых веток я срезал ножом – какие-нибудь и подойдут.

А в это время Док засунул палку в зубы афганцу, промыл края раны спиртом и приступил к художественной вышивке и к тому времени, когда я подошел с палками, он уже закончил свое дело.

– Командир, что ты копаешься, давай держи лубки, а я ногу пощупаю, накладывай их во-о-о-от так, а я заматаю пока. Как сделаем: в часть понесем или я сюда с гипсом приду, наш военврач даст же гипсу?

– Думаю, что даст, и лучше тело не кантовать, сюда придем.

Пока мы возились, женщина что-то колдовала на улице у тандыра и костра.

Мы собрались уходить, когда к нам подбежали ушедшие на окрик мамыши мальчишки и попросили подождать.

Мы сидели вокруг раненого, а ветерок задул запах печеного хлеба.

– Лепешки печет в тандыре – тесто грубое, но, все равно, вкусно кушать, пока они свежие.

Минут через десять она занесла с девочками в дом испеченные лепешки и подогретый плов из риса с урюком, изюмом и какими-то травками-специями. Мяса в нем не было, однако, бедная семья.

– Так, парни, по лепешке взяли и по щепотке плова, нечего обжираться.

«Блин, командир, местного блюда не дашь даже попробовать», – бурчал Док, взяв щепотку риса и целую лепешку. С нами ела и семья, а раненый забылся в тревожной полудреме.

Мы объяснили женщине, что надо сходить в нашу медчасть, чтобы взять гипс и надежно зафиксировать ему ногу, а недельки через три снимем его.

Она кивала и бормотала слова благодарности, мол, вы всегда будете желанными гостями в их жилище.

Док пошел в медпункт добывать «строительный материал» и бинты, а мы продолжили патрулирование, потихоньку забирая к интересующей нас улице. Пусть привыкают, что шурави и сюда заходят патрулировать, а дойдя до колодца, напились воды и развалились на отдых. Прогулялись по улице, но платка не было, неужто наврал Саид? При случае откручу ему голову, поганцу.

На пятый день дежурства появился наш «бомж», то есть переодетый в нищего афганца, Токарь.

Он ковылял мимо нас, всем своим видом изображая вселенскую скорбь и смирение своей жизнью. Я собрался подать ему яблоко, взятое на рынке у торговцев, когда он сложил пальцы определенным образом, мол «есть контакт».

Я отдал ему яблоко, шепнув: «Понял, идем проверить».

Нищий побрел на выход из города, ему надо было исчезнуть, чтобы скрытно появиться уже в части.

Я взбодрил свое отделение и мы, не спеша, потопали к тому колодцу – водицы испить. По пути забрели к травмированному афганцу проведать его загипсованную ногу.

Женщина засуетилась, пытаясь пригласить нас к столу, а пацаны подошли и поздоровались с нами по-взрослому за руку. Я показал, что мы на задании и задерживаться не будем. Женщина оглянулась, посмотрев вдоль заборов с соседями, и зашептала: «Моджахеды пришли, будьте осторожны»

– Где?

– В округе четверо новых людей появилось.

Тут вышел Док и сообщил, что с ногой, в общем, все идет как надо, а зашитая рана не гноится.

Я собрал бойцов, и мы все вместе, так же расслабленно с виду, направились к интересующему нас двору, попутно заглядывая в другие дворики или дувалы.

Попили водички, а Топтыгин с Ромео прогулялись вдоль близко примостившихся домов улицы, заглянув в соседний двор и дувал, чем напугали обитателей.

Подойдя к нам, Топтыгин сообщил: «Заборов практически нет между дворами, за двором редкий сад, спрятаться проблематично, но ночью можно. На нашем доме висит красный платок, вкусно пахнет, видать, мясо жарит».

Из дома показалась пожилая женщина и направилась к колодцу, чтобы набрать воды. Мы осмотрели ее, она нас, но никто ничего не сказал, а потом мы ушли.

– Все-таки нужна местная одежда, а денег нет, чтобы ее купить, в форме мы будем заметнее.

«Надо скорее искать душманов «в полях», уничтожать и собирать бакшиш, чтобы укомплектоваться лучше», – сказал Филя.

Добравшись в часть, я довел информацию до Петрова и остального начальства.

– Ночью выдвигаетесь вчетвером в ближний дозор, старший Калинин, взвод разведчиков сидит в засаде со стороны дворов этого квартал на дальних подступах, с другой стороны улицы еще четверо, старший – ефрейтор Мёдов.

Мы пришли вчетвером ночью со стороны садов и залегли среди кустов и камней, обозначающих забор. Мы лежали и думали, скорее бы уже эти гребаные моджахеды пришли. Все сразу стало чесаться, сразу стало холодно и все части тела, лежащие на земле, быстро замерзли. И ведь особо не пошевелишься из-за очень хлипких укрытий, за которыми мы прятались, поэтому, чем меньше двигаешься, тем меньше вероятность, что тебя заметят. Было неясно, откуда придут гости, с улицы или, как и мы – с тыла. А если с тыла, то нарвутся они на кого-то из нас или нет, или вообще заметят нас или дальние дозоры и уйдут?

Ночью по улице к дому подошли четверо бородатых мужчин. Их заметил Малыш, сидящий в соседнем дворе ближе к улице, когда они прошли мимо его схрона.

Мужики зашли в дом, а Малыш добрался до моей засады и сообщил об этом.

«Токарь, выдвигайся к окну, слушай и переводи, что сможешь, и мы поближе к дому подтягиваемся. Диод, выходи на связь с базой», – я отдал команды, после чего я, Токарь и Малыш стали приближаться к дому с разных сторон, держа оружие готовым к стрельбе.

В доме был слышен тихий мужской голос, монотонно бубнящий приказы, а ему отвечал, похоже, хозяин дома, молодой человек лет 15, наверное, сын Фатимы.

Я сам вслушивался в шум, но мало что слышал, далеко был от окна. В паре метров, контролируя общую обстановку со своей стороны, а Токарь прильнул к самому окну и слушал. Затем наступила тишина, и стало слышно, что люди кушают.

Токарь отполз от окна и стал шептать мне о том, что он смог понять: «В общем, ни хрена не понятно толком, но некоторые слова я уловил: взрывчатка, караван пришел, военная часть, минирование и взрыв. Они сейчас пойдут к лагерю шурави».

Ползи к Диоду и доложи, пусть связывается с «Лозой», а мы тут пошумим.

Я достал световую гранату и переместился ко входу в дом, попутно показав себя и световую гранату, прикрыв рукой глаза, сидящим напротив Малышу и Шмелю. Парни также подтянулись к дому, контролируя окна – все изготовились к бою, после чего я распахнул дверь и кинул гранату в комнату. В ночи в окно и дверь блеснула яркая вспышка, а следом за ней перекатом в комнату вкатился я, а следом за мной так же «вползли» Шмель и Ромео. В комнате у дастархана сидело четверо гостей, старик и его внук, а Фатима со старухой были в углу комнаты на «кроватях», все усердно терли глаза.

На дари я крикнул: «Всем сидеть, стреляю!» – а затем нанес удары прикладом автомата ближним ко мне бойцам, положив их на пол. А Шмель проделал тоже самое с дальними от меня афганцами, заодно, стукнув и сына Фатимы.

«Контролируй теток, тут всего можно ожидать», – буркнул я Ромео, принявшись вязать руки душманам и пареньку.

Диод передал по радиации ситуацию и попросил подкрепления. БТР и грузовик, нарушив режим своих моторов ночную тишину, выползли из лагеря, приближаясь к городку.

Один мужик оклемался, стал подниматься с завязанными руками и, резко боднув головой в лицо Шмеля, кинулся на улицу. В дверях он столкнулся с Малышом, которого, по инерции снес, несмотря на нанесенный разведчиком кулаком удар в челюсть. Но на Малыше он, все же, споткнулся и они стали кататься по земле. Малыш оглушил того и затащил в дом.

Я развязал им кушаки на штанах и спустил их до колен, отчего они стали светить голым задом и другими частями тела в зависимости от позы

– Кент, ты чего удумал?

– А ты со спущенными штанами пробовал бегать?

– Хе, точно.

А еще я быстро прощупал накидки, жилетки и рубашки у пленных, вытаскивая что-то из карманов и кидая себе в рюкзак. Затем вышел во двор и засунул деньги, а это были именно они, под камень на земле.

Такую картину пленных почти без штанов и застали прибывшие разведчики, а за ними и экипажи автомашин.

По итогам операции при допросе выяснилось, что у города в схроне расположен тайный склад, куда вчера пришедшим караваном завезена партия оружия, в том числе гранатометы, ручные пулеметы, мины и взрывчатка. Эта группа должна была заняться минированием подходов к базе, а остальная банда должна была окружить советский лагерь и пощипать его. В общем, своими действиями мы спугнули остальную группу, поэтому, продежурив у выпотрошенного схрона в близлежащем предгорье несколько ночей, было принято решение сворачивать операцию по поимке душманов. Но, в любом случае, в штаб дивизии пошел отчет о выявлении и поимке диверсионной группы, которая производила рекогносцировку местности для нанесения ночной атаки по нашей части.

Как-то после этой операции дело сдвинулось, и наше отделение стало наткаться на небольшие группы перемещающихся в горах вооруженных людей и караваны. Меня никто проверять не стал, а я на следующий день со своим отделением пришел в этот дом и забрал спрятанные денежные знаки.

– Сколько взяли, командир?

Я при всех пересчитал деньги, и оказалось, что у нас на руках две тысячи долларов и около 10 тысяч афгани, что составляло еще порядка 900 долларов. Не много, но и немало, но у нас появилась черная касса отделения

«Калинин, едем в Герат, бери своих охраной», – сообщил мне Пономаренко.

– Есть, товарищ подполковник.

Первым шел БТР, за ними грузовик с нами, армейский «УАЗ» и замыкал колонну еще один БТР.

Мы приехали в городскую военную комендатуру и пока Пономаренко шлялся по своим делам, мы смотрели по сторонам, прогуливаясь возле машины и БТРа. Вдалеке возвышались мощные крепостные стены крепости Герат. Подъехала тентованная машина, из которой выскочили солдатики с автоматами и трое наших танкистов без оружия. Из кабины вылез капитан из военной прокуратуры, и вся эта команда двинулась в здание.

«Что это, парней за что-то арестовали?» – заинтересовались мы и бтровцы.

«Похоже, что за мародерство или убийство мирных граждан ребята попали под раздачу», – задумчиво заметил я, думая о своем.

– Кент, ты откуда знаешь?

– Предполагаю, хотя могут быть и дезертиры или же спасенные из плена. Сейчас «КР» выйдет, у него и спросим.

Через час вышел с портфелем документов наш контрразведчик.

– Товарищ подполковник, а тут ребят наших привезли, что с ними?

– Приедем, я проведу с вами всеми политбеседу, но скажу, что плохо у них дело.

В общем, пришлось нам всем ждать до политбеседы, чтобы разузнать, в чем дело.

Весь свободный личный состав нашего полка и моторизованного батальона собрали перед штабным полковым блиндажом, наверное, для того, чтобы если прилетит мина, то

побольше нас уничтожить смогла бы, и провели беседу. Вначале доложил Пономаренко, а затем итоги подвел заместитель Ананченко по политчасти.

– Товарищи бойцы, сегодня мы стали свидетелями того, как военная прокуратура возбудила дело по убийству пятерых афганцев в отношении двух солдат и старшего лейтенанта, командира танковой роты. Фабула дела такова. Их отдельная танковая рота охраняла участок горной дороги, которая ведет от Кушки до Герата. Командир роты, старший лейтенант, послал двух солдат добыть ему местных денег – афганей. Видимо, это было не в первый раз, так что послал он уже проверенных старослужащих. Они – автоматы на плечо и поехали в Герат. По пути они остановили машину, в которой афганцы перевозили товары, выехали с ними за город и начали обыскивать. А потом расстреляли всех пятерых человек, нагрузили на себя барахла, сколько могли унести, и ушли.

Практически вся рота знала о том, что произошло. Ночью командир выделил им танк, они на нем поехали, пять трупов погрузили, отвезли в другое место и закопали, а машину сожгли. К несчастью для бойцов оказались свидетели, армейцы из афганской армии, наблюдавшие это в бинокль, которые пожаловались своим командирам, а те нашим. В ходе расследования инцидента у одного из солдат обнаружили дневник, который он вел и который приобщили к делу. Дневник был довольно жуткий, повествующий про их подвиги. И этот случай с пятью афганцами был описан. Капитан из прокуратуры даже зачитал выдержки. Мне в память врезалась одна запись: «Поймали пленного. По радиации сообщили бате, то есть командиру полка. Он ответил: "Мне его кормить нечем". Расстреляли». А вот их ответы на вопросы следователя».

И далее рассказал эпизод из беседы следователя с проштрафившимися военнослужащими: «Товарищ следователь, принято же, что если повстречался афганец и мы подошли к нему – он уже пленный "дух". А "духа" можно расстрелять на месте.

– Ну ладно, забрали у афганцев вещи, зачем убивать-то стали?

– Товарищ капитан, да там один побежал.

– Ну, побежал, и пусть бежит, вы же их грабили.

А солдат смотрит совершенно удивлёнными глазами и говорит: «Товарищ капитан, если бежит, значит, душман, вот я и выстрелил афганцу из автомата в затылок!»

Следователь задает следующий вопрос: «А остальных зачем убили?»

– Одного убили, зачем уж остальных-то свидетелей оставлять, вот и положили всех четверых. Товарищ капитан, неужели нас собираются за этих пятерых судить?

Следователь говорит: «Ребята, вы же не в бою людей убили, вы же их грабили, так что придется отвечать».

Вот такая состоялась при мне беседа, товарищи интернационалисты. В общем, всем ясно, что есть мирное население, которое мы должны защищать, а есть душманы – наши враги, поэтому прошу выполнять свой воинский долг советского солдата, а не становиться бандитами в форме».

Далее выступил «политрук» о том, что мы освободители, а не наемники и надо соблюдать нормы поведения.

После беседы все разбрелись по своим норам.

«Что думаешь, командир, об этом?» – спросил Шмель.

– Правильно политрук и «к.р.» сказали, что они тоже люди, поэтому мирных афганцев не следует обижать. Просто представьте на их месте свои семьи, которые ждут отцов, а те своими же защитниками убиты. По данному конкретному случаю я полностью поддерживаю следователя, вроде капитан Шахов его фамилия. По поводу расстрела пленного – это война и пленные нам не нужны, по крайней мере, я рядовых душманов тащить по горам в нашу часть не собираюсь. Не хватало, чтобы они по пути в случае заварушки нас самих камнями забили. Мертвых врагов мы обираем и найденные деньги, матценности типа радиостанций, оружия, разгрузок, зажигалок, табака, нам пригодятся для обмена в полку или оплаты Саиду наших заказов. И,

пожалуйста, не надо вести такие вот дневники. Если кто-то пишет, то уничтожить весь компромат, а если не может не писать, то пишите только хорошее или сразу за цикл «Афганские рассказы» беритесь, только мне показывать перед опубликованием будете, что вы там наваяли, писуны-писатели.

Миша загипсовал афганцу ногу, а через три недели снял гипс. В общем, в этом доме шурави были рады, да и молва пошла, что командир этого отделения нормальный парень, и доктор есть. Так что Мишу в будущем периодически закармливали подношениями, прося посмотреть чадо или кого-то из взрослых.

Глава 3. Лекарство от старости

На следующий день мы ушли в разведку или свободный поиск, ограниченный определенным нам квадратом горной территории. Задача была четко сформулирована – искать пещеры – склады, временные лагеря, караваны и просто бродячих по горам и «зеленке» «духов». Вооружены мы были автоматами и штык-ножами, было по четыре лимонки, Шмель был вооружен полученной на складе «СВД», как самый лучший стрелок, а Кузнец тащил ручной пулемет. Брали мы с собой на задание и противопехотные мины. А еще нам нужны были пистолеты, желательно с глушителями, ножи, да и вторая «снайперка» очень пригодилась бы.

А вот в одном из походов произошло событие, повлиявшее на последующие действия и поведение всего отделения.

«Слушай, Кент, у них много лагерей под Мешхедом, может быть и ближе есть, например, под Тайабадом, если верить инструкторам», – завел разговор Шмель.

– А чего им не верить, разведкой проверено.

– А что, если махнуть в Иран? Переоденемся в местную одежду, перейдем границу, да и порежем их командиров, которые чувствуют себя там, как дома.

– Дело хорошее, там они расслабленнее себя ведут, но есть куча проблем.

– Например?

– Начнем с того, что мы не знаем, где искать лагеря и, тем более, жилые дома этих лидеров. Не будешь же ты ходить по улицам города и спрашивать, где тут дом уважаемого Исмаил-хана, главного врага СССР. Потом, одень хоть что, мы чужие этому миру. Тот же туркмен будет своим, даже если он первый раз в городе, а мы днем спалимся, а по темноте искать бесполезно. А главное, что нам наше же руководство голову отвернет за проведение шумных операций в Иране без санкции. Разве что самого Исмаила поймает, тогда может быть простят. Но то, что сказал о нем наш офицер-контрразведчик, не радует. Это очень осторожный и предусмотрительный человек, постоянно меняющий место своей дислокации. Одним словом поймать его нам нереально, раз уж спецы из «Карпат» или «Каскада» не смогли.

– А чего ты сказал «уважаемого», если он враг?

– Я сказал так в шутку. Однако, как лидер и полевой командир своими делами он добился уважения, то есть он достойный противник, раз восемь лет воюет против нас и целая армия не может его победить, а как человека я его не знаю, но наверно жестокий сатрап или деспот, как тут такие люди у них называются.

Мы шли в дальний поиск, практически под озеро Намаксар, хотя его еще найти надо было – сезонное соленое озеро глубиной до 1 м весной, чтобы провести разведку на предмет обнаружения лагерей боевиков, которые по нашей наводке должны будут потрепать вертолеты. По прямой до озера было порядка 50 километров, а по горам все 100, если не больше. Шли мы долго, бухтя себе под нос: «Мол, не могли подкинуть, что ли, на вертолетах нас», – прекрасно понимая, что если было можно, то подкинули. Нашей задачей было тихо пройти по этим горам и высмотреть все, что можно. Запас воды намеривались пополнить в источниках или ручьях, имея для этого случая обеззараживающие таблетки. Вода хоть горная и чистая, но раз уж выдали таблетки, почему бы и не «испортить» ими вкус воды.

Топали мы по гористой местности, держась скальных «наростов» на теле земли и избегая открытых каменистых долин. Обустраивать здесь лагеря было проблематично по причине отсутствия водоемов, разве что могли быть родники, бьющие из-под земли, и не нанесенные на нашу карту.

«Всем стоп! – подал рукой сигнал идущий в переднем дозоре Малыш. – Ребята, воняет чем-то?»

Мы стояли и смотрели на полуразложившиеся трупы советских ребят – бывших солдатиков какой-то пехотной части. Помучали их сильно: кастрация, вспоротые животы, выколо-тые глаза, отрезанные пальцы, носы и другие части тела, вот частичный перечень того, что мы видели, смотря на наших погибших боевых товарищей.

Раньше мы сталкивались с врагами на расстоянии, стреляли по ним из автоматов, даже патрулируя в городке мы, как-то были среди своих, свои были рядом. А то, что в ходе боев бойцы пропадали без вести, не все раненые могли вернуться после боя, когда наши отступали, воспринималось немного отстраненно. Оказаться в плену казалось немного страшным, но чем-то далеким. А вот когда мы так близко увидели, что бывает с пленными, то моим ребятам стало действительно страшно, и лицезрение убитых солдат сопровождалось последующим рвотным рефлексом.

– Диод, сделай фотографии трупов и, особенно, лиц. Может быть, наши идентифицируют, кто погиб, и станет боец «не пропавший без вести», а «геройски погибшим» со всеми положенными родителями привилегиями и пенсией.

– Сейчас, Кент, отойду, малость, а то прямо жуть взяла, что ребятам выдержать пришлось.

– Теперь всем понятно, что лучше в плен не сдаваться?

– Да, а ты, командир, прямо железный какой-то, даже не поморщился.

«Эх, Сереж, поморщился я, только в душе», – ответил я товарищу, вспомнив годы Великой отечественной войны, там-то я и свылся с видом убитых людей, но это не объяснишь ребятам.

– Когда прибудем в часть, передадим пленку для проявки в Герат с отчетом, где и сколько погибших ребят было нами найдено.

Ребята вырвали на землю весь завтрак, промыли рот водой из фляг и мы двинулись дальше.

Часто в передовой дозор с кем-нибудь из ребят уходил именно я, а главным группы оставался Шмель. Делал я это потому, что у меня, все же, было больше опыта дозорной службы, чем у остальных, а значит и вероятность обнаружения «духов» первыми была повыше. Шли мы часа по три, потом делали небольшой привал, периодически залазили на вершины холмов и, скрытно располагаясь между камней, осматривали окрестности.

Так мной в бинокль с затемненными светофильтрами, который я купил у Саида, была замечена цепочка душманов, идущих через соседний перевал. Сколько их было всего мы не знали, но тех, кого видели, насчитали 14 человек.

Вслед за «духами» мы подходили к соленому озеру. Горы стали более рельефными и обрывистыми. Сделав рывок, мы сократили расстояние между нами примерно до полутора километров, вместо прежних четырех, затем был короткий отдых, потому как все взмокли и устали, а дальше шли более осторожно с передним дозором, который высматривал, куда движутся наши противники.

Взять того же Диода, обычной комплекции солдат, невысокий, в меру крепкий и в меру тренированный. Вот он представлял собой образец «вьючного осла» или культуриста, который с удовольствием таскал свои железки, а именно, железный ящик с красивым названием «коротковолновая радиостанция Р-107М». Остальные бойцы повоюют, гранаты, запасные патроны потратят и дальше бегают облегченные или с облегчением по горам, пока не будет приказа «всем на базу», а Диод, как жадный куркуль, все время свое добро таскает. Вот его обвес составлял примерно под сорок пять килограммов чистого веса:

- радиостанция Р107М- 18,5 килограмма;
- комплект запасных аккумуляторов – 4,5 килограммов;
- автомат АКС-74 – 3,5 килограмма;
- запасные рожки, четыре штуки, в «лифчике» – 3 килограмма;

- сухой паёк – 1,5 килограмма;
- фляга с водой, полтора литра – 1,5 килограмма;
- бронежилет – 7,5 килограммов;
- каска, ватник, ватные штаны, берцы, бывало, что к рюкзаку приторочены валенки, и гранат парочка – тоже под 5-6 килограммов тянут.

К слову сказать, вначале ребята не поняли, зачем им валенки, но прапор кладовщик с ухмылкой сказал: «Берите пари, ночью в горах спасибо скажете».

Как говорили радисты: «падать-то легко, подняться трудно!» Конечно, в походе в нашем отделении радиста разгружали. Запасные аккумуляторы обычно таскал Токарь, как запасной радист, сухпай тоже кому-то перекидывали, если что, то радиостанцию одевал на себя тот же Малыш, давая возможность Диоду восстановиться. А вот бронежилет, боеприпасы и оружие Диод таскал сам, ведь никогда не знаешь, сколько его потребуется именно тебе.

Афганцы не торопились, периодически отдыхая, и во время такого отдыха мы насчитали 20 человек. Затем они подошли к обрывистым скалам и пропали.

Дозорными шла смена Малыша и Токаря.

«Командир, давай сюда, духи пропали», – позвал меня Токарь.

Я и Шмель поднялись на холмик и стали смотреть на волшебное исчезновение 20 человек.

– Возможно, что там природный тоннель или пещера?

«Похоже на то. Придется разделяться: я, Токарь, Кузнец и Малыш идем в обход. Остальные подтянитесь метров на 400 ближе и готовьте позиции для боя. Если это пещера и духи выйдут, то двигаетесь дальше за ними. Если там вход в узкое ущелье или природный тоннель через гору, через который они срезали путь, то их увидим уже мы с той стороны горы и продолжим преследование, направив к вам связного», – сказал я.

Так мы и сделали. Солнце стояло в зените, но был холодный ветер.

Шмель же давал указания оставшимся: «Парни, у них должны быть выставлены дозорные. Так что не расслабляться, подбираемся скрытно и не шумим».

Ребята даже переусердствовали, заняв позицию напротив места, где пропали афганцы, а Топтыгин и Ромео подтянулись ближе к горе с фланга, однако, не рискуя заходить за горный поворот, чтобы проверить, куда делись духи. СВД, парочка «РПГ-18 Муха», лимонки и автоматы – этим оружием ребята готовились встретить врага, если потребуется.

– Командир, как думаешь, прошли «духи» или в пещере отдыхают?

– Не знаю, Кузнец, сейчас разведаем. Где-то километра через три должно появиться озеро, значит, там будут кишлаки, а значит, там же будут склады моджахедов. Кроме того, километров через десять проходит иранская граница с военными лагерями по подготовке бандитов. Вполне возможно, что эта группа возвращается домой, совершив какую-то диверсию.

– А если она прошла вперед?

– Тоже не знаю, будет видно, как далеко она от нас уйдет. Может быть, они рядом и ты в спину положишь всех бандитов из пулемета, а мы добьем выживших из автоматов и гранатами, а может быть она ушла метров на триста или дальше, тогда просто продолжаем преследование, чтобы выяснить конечную цель их похода.

– Все верно.

Мы обошли этот примерно 100 метровый по высоте хребет по «параллельно-перпендикулярной» соседней ложине или ущелью, даже не знаю, как ее точно назвать. Топали примерно с полтора часа.

«Е-мае, вроде рядом, а пока по этим горам обойдешь, так полдня пройдет и все разбежится!» – бухтел Малыш.

– Будем надеяться, что мы их еще увидим, но ближе подходить нельзя, мало ли, как у них дозорная служба организована.

В общем, обошли мы эту здоровую грядку и вышли хорошо впереди. Поднявшись на хребет, залегли и, аккуратно высовываясь между камней, стали высматривать, куда делись эти басурмане

– Мужики, по ходу, пещера там, они на привал завалились, что делать будем?

– Так, это меняет дело, через какое-то время они двинутся дальше в какой-нибудь кишлак, не будут же они тут сидеть сутками.

– Согласны, командир.

– Кузнец, твоя задача занять позицию, с которой ты сможешь прострелить вот эту тропу.

– Да, место открытое, справа от цепочки будет гора – не уйдут туда, а слева и по центру я метров 50 спокойно прострелю, тоже никто не уйдет, только надо будет дожидаться всех на этом участке, чего может и не быть – растянуться еще, тогда задние окажутся в мертвой зоне, и они спокойно отойдут.

«Токарь, слушай боевую задачу. Берешь все наши гранаты, итого у тебя восемь штук будет, ползешь на вершину этого хребта и занимаешь позицию за этой площадкой – твоя задача будет закидать их сверху со спины гранатами. Слева мы не обойдем, спрятаться негде, а вот на горе между камней залечь придется.

– Кент, смотри, вон там, слева ложбинка есть, я проползу туда и лягу, если вы не справитесь, и они попрут на Кузнеца, то я как раз ударю им во фланг и отрежу от него, а кого и в спину расстреляю.

– Хорошо, только смотри, по пути к ней открытое место. Мы не знаем, где их дозоры, и есть ли они вообще. Но добираться к ней по-пластунски – лучше штаны порвать о камни, чем их порвут пули.

– Направлять будем связного к нашим?

– Нет, нас итак слишком мало, вся надежда на внезапность и на то, что Кузнец их в упор будет расстреливать.

– Да, командир, жаль, что у нас нет раций, все быстро бы порешали с остальной группой.

– Увы, но добудем.

Пока мы ходили, бегали, в общем, что-то делали, мы хоть и вспотели, но нам было жарко, а рассевшись по норам, то есть, по засадным лежкам, очень быстро стали остывать. Зимний горный ветерок, дующий вдоль «воздушных трубопроводов» – ущелий стал пробираться до косточек, задувая, казалось бы, в не задуваемые места.

«Будем брать с собой спирт, хотя он у Дока есть, но надо, чтобы у всех для таких случаев был. Кстати, а остался ли он у Дока, парни тоже не на южном курорте лежат?» – лежа между камней, я постукивал зубами и думал о теплом дувале, но был согласен и на костерок или, хотя бы, на пару глотков спирта.

Так мы пролежали порядка двух часов. Мало того, что все затекло, но я уже не чувствовал ног – замерз.

«Где же вы, морды басурманские?» – ругался лежащий недалеко от меня Токарь, а ветер снес его слова в мою сторону.

Я осматривал позицию: справа внизу за камнями с пулеметом сидел Кузнец, напротив меня мной метрах в ста лежал Малыш, слева метрах в тридцати лежал Токарь.

Наконец-то все мы выдохнули – вдоль горы появились «духи», идущие первыми. Они шли цепочкой по тропе, постепенно вытягиваясь на открытое пространство.

– Двадцать метров до Кузнеца, пора бы и стрелять! Вот нервы у парня. Не все еще вышли из-за камней, ждет остальных, но пора бы уже, Кузнец,

«Та-та-та-та-та!» – среди тишины, разбавляемой небольшими подвываниями ветра, раздался оглушающий треск пулемета Калашникова «РПК-74». Пули прошивали тела моджахедов, одновременно убивая или раня сзади идущего, которые валились пачками на землю, расстреливаемые в упор.

Токарь скинул три гранаты, который пришлось очень вовремя, остановив убегающих моджахедов. И я еще успел сверху выстрелить пару очередей по 3 патрона, положив двоих.

«Шмель, наши в бой вступили, что делать будем? Эх, жаль, связи нет!» – переговаривались мужики.

«Лежим и ждем, как раз сейчас «духи» могут отступать, так что всем боевая готовность!» – скомандовал Шмель, рассматривая тропу через окуляр прицела.

Началось томительное ожидание, когда казалось, что между камней мелькнула «пуштунка» моджахеда.

– Никого там нет, я в прицел вижу, ждем, парни!

А в это время после пятиминутного боя за горой наступило затишье.

«Так, парни я иду проверять трупы, а вы будьте наготове добить, если я кого пропущу», – я отдал приказ и помахал Малышу, чтобы он подтянулся к полю боя, вдвоем оно быстрее будет.

Я быстро сбежал по склону вниз и, держась возле скалы, чтобы не закрывать обзор Кузнецу, двинулся вдоль тропы к лежащим «духам». Подходя ближе, я стрелял контрольный в голову или шею. Тут же подскочил Малыш с другой стороны поляны и согласно «домашнему» инструктажу, так же стал осуществлять контрольные выстрелы. В результате этого были добиты несколько раненых, а Токарь сверху расстрелял одного из «прикидывающегося под убитого» афганца.

«Шурави», не стреляй, все скажу, подойди», – раздался голос одного из раненых, и мужчина поднял руку.

– Стоять, Малыш, не походи! Он ранен, поэтому не жалец и это прекрасно понимает. Обмануть неверного, это для них норма жизни. Скорее всего, у него граната, так что ...

Я выстрелил одиночным из автомата и тело бандита дернулось. Мы же с Малышом упали на землю, а через четыре секунды раздался взрыв гранаты. Нам повезло, что афганец, навалившись телом на руку с гранатой, прикрыл ее своим животом, поэтому большинство осколков приняло на себя его же тело, но и надо мной просвистел свинцовый «дождик», опав у горной стены.

– Малыш, цел?

– Вроде, да, только по каске что-то стукнуло.

– Токарь, лежишь и смотришь по сторонам, а мы идем на разведку к пещере.

– А как же трофеи?

– Вначале удостоверимся, что все чисто, потом трофеи. Кузнец, давай с нами.

Мы прошли метров 700 и увидели впереди какой-то провал в стене.

– Вот она! – радостно сказал Кузнец, как будто нашел пещеру Али-Бабы.

– Стоять! Я не знаю, как «духи», а фашисты точно заминировали бы подходы к складу. Так что смотрим под ноги на предмет мин, проволоки или лески растяжки. Мы пошли медленнее черепахи, а идущий следом за нами Кузнец смотрел на пещеру. Если бы там кто-то появился, мы должны были сразу залечь по его команде, пока наше внимание было приковано к тропинке.

Подобравшись к пещере, мы наткнулись на первую замаскированную мину – сработал ручной миноискатель, аккуратно спрятанную среди, как бы, естественно лежащих камушков, расположенных между двумя ямками. Так эти камушки хорошо лежали, что нога сама хотела на них встать.

– Опачки! Смотрите парни, как с учетом психологии человека минер рассчитал место закладки.

– Грамотно, а если бы свои подорвались?

– Свои знают, а чужих не жалко. К тому же, что мне не нравится, так это наш бой. Его могли слышать далеко, в том числе и на их основной базе в каком-нибудь кишлаке, так что пошевеливаемся.

А на входе мы увидели еще и растяжку, тоже красиво замаскированную под естественный рельеф. Вторую пехотную мину я нашел с другой стороны подхода к пещере. Все это я обезвредил, чтобы в запарке мы сами же и не подорвались.

Пещера оказалась не так уж и хорошо видна издалека, довольно неширокая щель, а то, что мы первоначально приняли за вход, был всего лишь изгиб горного «среза» стены. Зайдя в пещеру, мы обнаружили склад оружия: много мешков с патронами, винтовки «бур», гранатометы, китайские автоматы Калашникова, разгрузочные жилеты, спальники, фонарики, бронежилеты, консервы и блоки с американскими сигаретами.

– Малыш зови Токаря, а ты, Кузнец, давай к нашим, и зови всех сюда, только там предупреди, что это ты идешь.

– Сам знаю, командир.

Через час народ собрался у пещеры и рассредоточился, заняв круговую оборону.

– Диод, вызывай вертушки – много оружия, нельзя его оставлять. И себе подберем по паре разгрузок, фонарики, может еще что.

Мы прошлись со Шмелем и Филей к трупам моджахедов, пара человек еще постанывало – надо же живучие какие, получается, что не добились мы их. Мы с Филей обшмонали лежащие на земле трупы, пока Шмель стоял на посту, следя за подходами. Я стоял над трупами и вдруг сказал: «За замученных наших товарищей приговариваю вас к наказанию, станете мечеными». Затем достал нож и, подойдя к каждому, смахнул им по уху, которое осталось лежать рядом с трупом. Встав перед ранеными, я на минуту задумался,

«Жестко! Фирменный знак отделения, значит, поставил. Можно я этих живчиков порежу?» – спросил Шмель.

– Да! Пусть это будет знаком нашего отделения «знайте, здесь были ухорезы». Сереж, может быть именно эти и пытались наших парней, но мы все-таки другие, не стоит развивать в себе садиста – это может понравиться, поэтому зарежь их, а потом отрежь уши. Если нам нужны сведения, это другое дело, тогда пытка – это единственный метод их получения, а просто так не будем причинять лишнюю боль людям, хоть и врагам.

– Ну, а если будут неопровержимые доказательства его садизма?

– Вот тогда действуем по принципу «как аукнулось, так и откликнулось».

Подсчитав доход, собрали мы у каждого примерно по 600 долларов. У командира было 2000, у кого-то по 100, взяли мы четыре портативные сканирующие радиостанции «Yaesu», правда на них не было зарядного устройства, а вот запасные аккумуляторы были. Также набрали самодельных ножей разных форм и толщины, у одного из «замов» был «Ка-Бар USMC», популярный в армии США нож, почти как у Рэмбо, только без мощных зубцов пилы – шпаголомателя, расположенных сверху в районе клинковой пяты. Лезвие было из нержавеющей стали, покрытое матовым напылением, значит, должно было хорошо выдерживать нагрузку, долго держать заточку и не бликовать, чтобы случайно не раскрыть владельца, сидящего в засаде. В общем, нож мне понравился, и я решил оставить его себе. Также собрали десяток китайских пистолетов «тип 59», как было выбито на его корпусе, а у командира группы я вытащил 9-зарядный китайский бесшумный пистолет «Тип 67» со стволом-глушителем и симпатичный «хайбер сворд», имеющий рукоятку из слоновой кости и инкрустированный красивым арабским рисунком. Сразу подумал, что этот клинок придется подарить начальству.

Забегая вперед, скажу, что в боях нам попадались ножи, которые условно можно было раскидать по четырем типам. Эти ножи мы приватизировали с трупов, если была возможность спокойно их обыскать. Так вот, ножи были следующие: «хайбер сворд» напоминал по форме обычный кухонный нож сантиметров в 30 длиной, каких множество продается в магазинах; «каруд» – нож с утончающимся от рукоятки лезвием, чем-то напоминающий «сточенный» за годы службы кухонный нож или узкий стилет; «пеш-кабз» непривычный для европейцев изо-

гнутой полумесяцем восточный нож и «чора» – нечто среднее между «хайбером» и «карудом», то есть «кухонный» нож, но более короткий.

– Вот это отлично, опасный был противник, раз с такой «тихой» пушкой ходил.

Еще набрали кучу барахла, типа серебряных зажигалок и один серебряный портсигар. Кроме этого, среди валяющихся автоматов и винтовок взяли себе пару десятизарядных винтовок «Бур» калибра 0,303 дюйма фирмы «Ли-Энфилд», изобретателя по фамилии Ли, изначально производимые в городке Энфилд, и пару «Ли-Медфордов», с дальностью боя до пары километров.

Я довольно скептически отнесся к дальнобойности этих винтовок, то есть пуля-то долетит, а вот «сможем» ли мы попасть туда, куда надо на этом расстоянии, я уверен не был. Лично я, прицелившись в вершину далекой горы, вообще ничего толком не разобрал, вспомнив очередной анекдот: «Больной, закройте один глаз и назовите букву, которую вы видите?»

– Доктор, какая буква, вы сами-то где?»

Лучше уж добыть еще одну нашу «СВД» с оптикой и подобраться на 1400 метров, что тоже не близко, но там хоть в оптику можно увидеть, куда стрелять. В любом случае, без постоянной практики вместо цели легко в небо попасть. А где в будущем брать патроны на эти «Буры»?

Командир, смотри, какие они красивые, ложе и приклады – все в резном орнаменте или серебряной инкрустации, похоже, что по наследству передавались.

– Хорошо, берем красивые «винты» и все патроны, что найдете, будет нам память.

Насколько меня просветили старики, «Бур» считался у мотострелков и десантников неплохим трофеем. Конечно, он не пробивал БТР насквозь, как гласили армейские легенды, но много солдат и офицеров из-за старой английской винтовки стали «грузом 200». Я думаю, что и стреляли афганцы не с двух километров, а подбираясь к нашим в «зеленке» или из засад гораздо ближе.

Я написал сообщение: «Калина» «Гнезду-1». В результате боя уничтожено 20 моджахедов, обнаружен склад боеприпасов, перечислив примерное количество оружия и ящиков с патронами. Прошу прислать «борт» и взвод солдат для занятия обороны и погрузки имущества в квадрат Г-12 северо-восточнее кишлака Рибат-Шах ориентировочно на точку № 37. Потерь личного состава нет. Возможно появление противника».

Диод зашифровал, настроился на волну, после чего сообщение ушло в эфир. Через десять минут пришло подтверждение о получении нашей радиограммы с инструкциями, суть которых сводилась к тому, что ждите «стрекоз».

Пока ждали вертолеты, я прошелся к убитым и прикрыл паколями отрезанные уши, – не стоит показывать мои художества начальству.

Через час раздался гул вертолетов, и мы увидели звено из четырех «крокодилов» «МИ-24».

Мы выбрали им посадочную площадку метрах в ста от пещеры, ближе было не сесть, откуда я выстрелил в воздух красной ракетой. Потом я махал им рукой, указывая на место посадки.

Из вертолета выпрыгнул старший лейтенант Валера Петров, и выскочили ребята второго и третьего отделений нашего взвода.

– Калинин, молодцы, показывай, что тут у вас?

– Так точно, посты удвою, раз прибыло подкрепление, и будем таскать ящики и оружие.

Петров с ребятами дошли до пещеры и, рассмотрев ее содержимое, остались довольны увиденным.

– Хорошо, первый поход и так удачно сходили, молодец Калинин – это нам всем плюсики будет, а где трупы?

– Метров 700 отсюда бой был, там они и лежат.

- Обобрали?
- Так точно, все оружие и боеприпасы с разгрузками тут лежат, вон куча собрана.
- Понял, молодцы, чего-нибудь есть хорошее?
- Специально для вас взяли: кинжал с рукояткой из слоновой кости, зажигалка и «Ли-

Метфорд».

Я понимал, что красивый афганский кинжал старинной работы, но с очень приличной сталью, тут же будет изъят офицером у рядовых солдатиков, лишь стоит такой увидеть вышестоящему начальству. Себе он его возьмет или подарит еще более вышестоящему начальству, все решал случай и необходимость вовремя «прогнуться».

Но, несмотря на это, в походах мы набирали свою коллекцию, правда, пока еще не знали, как будем провозить ее через таможенную. Еще удалось взять американские «спальники» на весь взвод – немного тяжелые и громоздкие, но намного лучше наших казенных, спасающие от холода и луж с дождем.

Погрузив имущество в вертолеты, забрав выставленные дозоры и все наше отделение, вертушки ушли назад на аэродром в Гузару. А оттуда мы загрузили имущество на присланные из части грузовики, а сами дотопали до нее пешком. Захваченное у моджахедов имущество у нас никто не отбирал из начальства, ничего лично хапнутого мы не сдавали на склад, кроме того, что выгрузили из грузовиков. Парни из соседних отделений, что прибыли с нами, так же ухватили оставшиеся спальники и разгрузки, собранные мной с убитых «духов» и из пещеры-склада.

После этого похода мы стали обладателями хорошей суммы в у.е., поэтому, когда снова были направлены патрулировать Гузару, зашли на рынок. Местный рынок, конечно, был намного меньше Гератского, поэтому ребята разбрелись во все концы, охватив его со всех сторон. Обходили прилавки, заглядывая в лавки, но, не пропадавая из поля зрения остальных. Я же направился к Саиду, за мной вглубь духана вошел Шмель.

– Здравствуй! Ассалам алейкум, Саид!

«Валейкум ассалам! Здравствуй, Виктор! Что привело тебя в мой скромный лавок?» – ответил лавочник по сложившейся у нас традиции православно-мусульманского приветствия.

– В твой скромный лавок меня привело желание оставить в нем для его процветания и расширения небольшую сумму денег.

– Это очень замечательно, что тебя посещают такие мысли, а я с удовольствием выполняю все твои пожелания, которые, да будет благословен Аллах, будут в моих силах.

«Мои пожелания будут в твоих силах, а хочу я вот что... – и я стал рассказывать ему свои потребности. – Мне нужно десяток радиостанций, лучше фирмы «Yaesu», с гарнитурой и зарядными устройствами. Можно запасные аккумуляторы еще столько же, пару биноклей со светофильтрами, пару ручных миноискателей, потом нужен тепловизор, лучше два, если по цене сойдемся. И нужна афганская одежда вот этих размеров, всего одиннадцать комплектов.

– А какую ты хочешь одежду?

– Ту, которую носят «духи», как они обычно одеваются. В общем, не умничай, а расскажи подробнее, что вы там носите.

Саид начал свой рассказ: «Одежда афганцев различается в зависимости от племени, района обитания и социального положения. Если говорить о традиционной одежде пуштунов, народности населяющей южный Афганистан, Вазиристан и граничащий с ними Пакистан, то она состоит из следующих предметов.

Из-под длинной рубахи у крестьян выглядывают ниспадающие волнами широкие штаны – «изар». Их ширина намного превышает длину, в поясе они собраны в многочисленные мелкие сборки. В отличие от шаровар их просторные штанины книзу постепенно сужаются. Изар держатся на бедрах с помощью тесемки «изарбанд», прoderнутой в подшитую складку. Праздничные изар шьют из тонкой шелковой материи преимущественно белого цвета. Белые изар,

как и вообще белую одежду, повседневно носят главным образом лица духовного звания. Тебе праздничную или духовную подобрать?

– Саид, тебя сразу пристрелить или хочешь помучиться?

– Шучу, просто шелковые будут стоять очень дорого, а хлопковые, сам понимаешь, мне выгоднее тебе втюхать все самое лучшее.

– Согласен, но для нас, чем незаметнее в горах, тем будет лучше.

– Понимаю, слушай дальше. Курта – это свободная длиннополая рубаша, которую одевают поверх изар и носят спадающей до колен. Поверх изар афганец носит садрый или по-английски waistcoat «васкат» – это жилетка или национальная безрукавка, и то, и другое называют «васкат». Зажиточные афганцы носят безрукавки из плюша или бархата, расшитые золотыми узорами, а бедняки украшают их, обшивая края пестрой и яркой материей.

– Саид, мне все самое простое, но качественное.

– Дальше идет чалма или тюрбан. Будете заказывать тюрбаны или паколь?

– Саид, мы в тюрбанах будем, как чурбаны, давай пуштунку – береты для нас привычнее.

– Хорошо, удачный выбор, я сам, как ты видишь, ношу паколь, практичный головной убор из шерсти верблюда или ягненка, хорош и летом, и зимой, даже уши греть можно. Ты же знаешь ее историю? Мусульманами жители Нуристана назывались кафирами, то есть, неверными, а область их проживания звалась Кафиристан. Но в 1895-м году эмир Абдур-Рахман, хвала Аллаху, завоевал их земли, и прежним язычникам пришлось принять исламскую веру. А поскольку у них довольно светлые волосы, в отличие от остальных афганцев, а с чалмой они тоже не дружили и, чтобы не смущать лишний раз соседей, пришлось им носить головные уборы «пакол». Далее идет чадар – накидка является обязательной принадлежностью и афганца-крестьянина, и рядового кочевника, и городского бедняка. Это просто отрез хлопчатобумажной ткани размером с простыню, основная его функция – согревание в холодную погоду. В «исходном положении» он обычно переброшен через плечо. Но в холодное время им обматывают голову и шею, утепляют плечи и грудь, а в жару укрываются от палящего солнца. При совершении намаза чадар заменит молитвенный коврик, после омовения – полотенце. Ах, да, вы же не молитесь. Если афганец решит освежиться в реке, то накидка, обвязанная вокруг бедер, станет плавками. Прежде, чем сесть на землю или на что-то жесткое, подкладывается тот же чадар. Надо вытереть где-нибудь пыль – чадар заменит тряпку. Если афганец разжился на базаре лепешкой или кусочком мяса, он завяжет в накидку и то и другое, поместив каждый предмет в отдельный узелок, и забросит «рюкзак» за спину. Словом, трудно предусмотреть случай, когда бы не выручил чадар.

– Ясно, грязная, вонючая, но универсальная вещь, надо будет потренироваться под твоим руководством управляться этим чадаром. Да, достань теплые и обычные кожаные перчатки, мужские естественно, и овчинные куртки, а то зимой в х/б околеть можно.

– Не вопрос, уважаемый Виктор.

– Что-то ты слишком сладко говоришь, затеял что?

– Конечно, дорогой рафики – это друг по-нашему, прикидываю, во сколько тебе все это обойдется.

– Я понимаю, Саид, что ты жулик еще тот, но у нас же теоретически честный бизнес? Кстати, это тебе, уважаемый агент Саид ибн Ибрагим, 100 долларов за Фатиму, все оказалось точно.

– Я знаю, город маленький, слухами быстро полнится. Ты разжился деньгами, удачный поход?

– Да, весьма неплохой улов оказался.

– Я рад, что такой удачливый командир тратит свои деньги у меня. И последний предмет одеяния афганца, это чаплий – обувь, похожая на кожаные сандалии без задника.

– Нет, чаплий мы вычеркнем из списка, ограничимся обычными кроссовками, а зимой мне и форменная обувь вполне подходит.

– Могу подогнуть американские горные ботинки на меху, очень хорошие, раз тебя чаплии не устраивают, особенно в зимний период.

– Давай, размеры на бумаге написаны, добавишь по размеру на мех.

– Положи руки на прилавок, уважаемый Виктор.

– Зачем?

– Чтобы ты не хватался за автомат сразу, а успел посчитать до 10. Итого с тебя 10 тысяч «зеленых».

– У тебя что, одежда из золотой ткани будет, не говоря уже о радиостанциях и так далее?

– Все по Гератским расценкам, плюс мой бакшиш, а вот с тепловизором надо подождать, тут я сразу ничего не могу сказать по срокам.

– Так ты же мне цену с тепловизором сказал?

– Конечно, мой драгоценный, но в нее заложил только один тепловизор.

– Хорошо, деньги сразу или?

– Сразу, это дорогое удовольствие, я не могу рисковать, но они будут ждать тебя или твоих товарищей столько сколько надо.

– Ты знаешь моих товарищей в лицо?

– Конечно, знаю, это же твое отделение бродит сейчас по рынку.

– Ну да, мое, держи деньги. Это большая для нас сумма. Я за нее спрошу по всей строгости, Саид.

– Не переживай, я же здесь живу.

– Я знаю, где ты живешь со своей семьей.

– Ты опасный человек, Виктор, но все верно «доверяй, но проверяй».

– Да, Саид, ты по-честному и я по-честному.

«Ты ему доверяешь такие суммы? – спросил у меня Шмель. – Все же надо было хотя бы 50% отдать».

– Может быть ты и прав. Это мы скоро узнаем.

Вечером, сидя на территории базы, встретили бойцов из пехотного батальона, вернувшихся с прочесывания кишлаков.

– Как прошло патрулирование, мужики, все целы?

– Здорова Витек, Шмель, парни. Тяжко прошло. Вместе с моторизованным подразделением 5-й гвардейской МСД и афганской милицией, усиленной отрядом местных активистов, провели поиск мятежников в районе Сиваушан, это 15 км юго-восточнее Герата. Задержали 26 мятежников-агитаторов, в том числе 15 человек с оружием. Бой был, наших человек шесть полегло, и они один БТР подбили из гранатомета, но и их положили больше 20 человек.

Мы сняли ушанки, почтив память погибших.

А еще, узнавая быт наших бойцов в разных подразделениях, общаясь на заданиях с прапорами и даже офицерами из ветеранов Афганистана, слушая их рассуждения, я проводил параллели между Гитлером и нашим командованием. Никто всерьез не подумал о том, что советский солдат будет есть и пить, в чем воевать и на чем спать, когда входили в Афган.

Летом можно было запросто подхватить амёбную дизентерию, малярию, брюшной тиф или гепатит, а лекарства в армии от всей этой дряни в то время отсутствовали. Импортные сильнодействующие препараты по просьбам армейских врачей приходилось покупать на рынке – хорошо, что безвозмездная помощь ООН распродавалась повсеместно, как сейчас гуманитарная на Донбассе, да и в других странах с вооруженными конфликтами.

К тому же испепеляющая летняя жара днем и пронизывающий ночной холод на высокогорьях были привычны для живущих здесь афганцев, но непривычны для многих наших моло-

дых ребят, видевших войну лишь в кино, но которых отправили воевать за государственные интересы.

Можно лишь преклонить голову перед героизмом советских мальчишек, которые в этих тяжелых условиях били противника и в плен по своей воле не сдавались.

Глава 4. Пленение барбухайки

Пришла весна, март месяц, еще было довольно холодно, в горах лежал снег, дул холодный ветер, пронизывающий насквозь. Иногда ветер приносил снежную крупу, больно бьющую по лицу и рукам, если снимали перчатки. Саид в течение марта поставил нам заказанные товары, а вот тепловизор обещал подогнать через месячишко.

Так что на задания мы ходили намного более укомплектованные, чем в первые разы. У каждого были портативная радиостанция с запасным аккумулятором, парочка местных простых ножей, пистолет «тип 59», китайский вариант «ПМ», а у меня был тип «67» с глушителем, кожаные перчатки, так что можно было стрелять, не снимая их. Кузнец в нагрузку к своему пулемету таскал еще и «Бур», одеты мы были в американские теплые горные ботинки, поэтому валенки стали не нужны, и мы их оставляли на базе. Пока было холодно, ходили в армейском зимнем обмундировании, а национальную афганскую одежду иногда одевали поверх штанов и наших тельняшек. Петров нас не трогал, лишь отмечая нашу «упакованность», хотя и другие подразделения так же «наращивали мощь» сверх армейских нормативов, просто не так быстро. Все, что когда-то было принято у нас в разведзвезде в ВОВ, я ввел и сейчас: планирование боевых операций с анализом моих вводных для выполнения условного задания, поиск условных растяжек и закладок в нашей палатке и на улице – одни ставили, другие искали, метание ножей, умение оказать себе или товарищу первую медицинскую помощь, в том числе от «укусов пауков и змей».

Ребята учились воевать, хорошо учились, и тьфу-тьфу, пока обходилось даже без ранений. Иногда мы вступали в боевой контакт, а чаще ходили вхолостую. Были еще выходы, как в свободный поиск, так и на зачистку кишлаков и прилегающих к ним территорий.

Периодически приходилось идти по горам вдоль шоссе на Кандагар в определенном нам командованием квадрате, высматривая засады, особенно, когда ожидался большой караван наших автомашин, а это происходило частенько. Бывало, что мы занимали господствующую высоту, обустраивали боевую позицию, маскировались, как могли, в бинокли, осматривая окрестности, а ночью периодически включали тепловизор или использовали прицел ночного видения.

Днем наберешь по пути или в окрестностях веток саксаула, да сухой травы и, сидишь, бывало, возле костерка, горящего в ложбинке, чтобы пламя не было видно, греешься, байки травишь, запивая горячим чайком сухой паек. А вокруг тишина, благодать, дозорные бдят, пока остальные бойцы отдыхают.

- Вить, а чего ты в армию-то попал, вроде спортсменов знаменитый?
- Да вот такая приключилась история со мной, поэтому и пришлось сюда «ноги делать».
- Вот же следак гнида, мочить такого надо!
- Надо!
- Вить, ты если что, зови. Мы поможем, правда, братцы?!
- Правда, все мы поможем друг другу!

Мне было радостно видеть честные лица и благородные порывы этих ребят. Парни были молодые, а научившись убивать, и рассуждали уже с учетом своего жизненного опыта и умений, если человек гнилой, сволочь, то такого надо убить.

Возвратившиеся с Афганистана домой, с обостренным чувством справедливости и готовностью прийти на помощь нуждающемуся, молодые ветераны, в лучшем случае, обществом не воспринимались. Верная, по понятиям самого воина-афганца, модель отношений между людьми не вживалась в существующий миропорядок гражданки. А принять новые правила жизни неуживчивый ветеран с послевоенным синдромом был не готов и потому нередко бро-

сал вызов обществу. Им часто приходилось слышать ставшие классическими слова: «Мы вас туда не посылали».

В итоге, много именно боевых воинов-афганцев в 90-х образует свои закрытые общества, зачастую криминальные, забирая и себе теплое место в новых реалиях.

Так за разговорами мы и засыпали, не забыв поменять, ну не дали бы они нам забыть о себе, часовых. Светало, когда меня разбудил Док: «Кент, проснись, машина идет»

– Док, куда идет?

– К нам идет.

Тут я проснулся и уставился в бинокль на грузовичок, катящий по долине между холмов.

– Странно, чего он не по шоссе и почему его другие наши «секреты» не задержали?

– Может, выскочил к дороге недалеко от нас. Ему-то по-любому надо будет как-то на дорогу выезжать.

– Не факт, ладно, тормозим клиента. Кузнец, дайка перед колесами очередь из пулемета.

Кузнец прицелился и дал очередь метрах в двадцати перед грузовичком. Фонтанчики пыли ясно дали понять водителю, что их останавливают.

Машина остановилась.

– Кузнец, Шмель, держите машину под прицелом.

Пятеро человек сбегало с холма и направилось к барбухайке.

Грузовик с высокой будкой, красиво расписанной орнаментом, увешанный кистями и колокольчиками. Символические знаки, надписи с цитатами из Корана и подвески должны, по поверью, помогать водителю, отпугивая горных духов и оберегать от недоброго глаза.

«Не помогли им колокольчики от недоброго глаза», – сказал Топтыгин.

– Помогли, смотри, куда аж доехали, почти под Герат, просто мы «добрый глаз».

– Шутник ты, Кент.

Ребята расположились веером. Контролируя борта, дверцы будки и водителей, а я подошел ближе. Помахав автоматам, я показал, что пора вылезать. Двое мужиков вышли из кабины и встали возле нее.

– Похоже, обычные водилы, не боевики.

– Похоже, Топтыгин. Идем проверять тачку.

Я залез в кабину: «Так, вроде ничего особенного, фото семьи над зеркалом – отец, сын, жена, молодая жена, дети малые. Аха, под креслами ничего нет, в бардачке тоже «бытовуха». Дальше надо раскручивать двери и так далее – не будем».

Поднял капот, тоже ничего не висит, ни мешочков, ни кулечков, заглянул под кабину и также безрезультатно. Вскоре позвал Топтыгин: «Кент, погляди, что такое?»

Я запрыгнул в кузов и стал смотреть: несколько коробок с японскими магнитофонами, телевизорами, какими-то бытовыми кухонными комбайнами, всего под сотню упаковок. Я поднимал коробки и встряхивал их. По-хорошему надо было бы их вскрыть и посмотреть, что там действительно лежит. Но тут мне попала коробка кухонного комбайна, какая-то уж слишком тяжелая по сравнению с аналогичной, поднятой мной ранее. Я достал нож и вскрыл скотч. В коробке лежали толстые пашки. В общем, мы вскрыли эталонные образцы, проверив, что там есть, а затем все, что отличалось по весу. Нам попались ящики с пластидом, толлом, а также электроникой и пара ящиков килограммов на 30 марихуаны. Был еще ящик с арабским парфюмом – расфасованные пузырьки с настоящими концентрированными духами.

«Да, дела! – протянул я, продолжив речь. – Первые упоминания о конопле найдены в древних китайских книгах. Растение приравнивали к священным травам, поскольку оно обладает множеством целебных свойств. Его «репутацию» испортили наркосиндикаты, которые используют коноплю исключительно для производства наркотических средств. Популярным сортом марихуаны является Индика, которая произрастает преимущественно в Афганистане. В связи с этим она получила свое второе название – афганка или каннабис. Даже военные дей-

ствия не мешали местным жителям выращивать растение в целях сбыта под прикрытием местных властей. Любители курить план в мире высоко ценят афганку».

– Ты как энциклопедия, Кент, а «план» – это хорошие деньги!

– Понимаешь, Филя, если бы я знал, что он останется в Афгане местным, я бы с удовольствием толкнул бы его Саиду, но очень возможно, что он пойдет в Союз, а я не хочу, чтобы наши люди становились наркоманами.

– Все верно, Вить, палим?

– Палим, фотик возьми и сделай снимки – нашу страховку.

Отец и сын афганцы безучастно смотрели на наши действия, стоя под дулом автомата Ромео, одно слово, трупы.

Конопля сгорела, распространяя вокруг себя дурманящий запах.

– Так-с парни, бытовуху везем Саиду, а машину с толом и пластидом в часть. Но вначале поставь ее где-нибудь в закутке, чтобы мы видели, дождемся окончания смены и тогда перегоним ее в Гузару.

Ромео поднял автомат, прицеливаясь в водителей: «Молитесь своему Аллаху, гады!»

– Рома, отпусти их, пусть идут. Что-то я сентиментальный сегодня стал.

– Фото семьи увидел?

– Да, Миш.

Рома махнул афганцам дулом автомата: «Уходите, командир вас отпускает!»

Те пошли в сторону Герата, постоянно оглядываясь, ожидая выстрела в спину.

Через сутки по радиации мы получили радиограмму о прошедшем караване, снялись с точки и на грузовике двинулись домой. Не заезжая в город, тормознули грузовик в роще, и ребята, расположившись в боевом порядке, стали ожидать меня. Я же прямиком потопал к Саиду.

Поприветствовав друг друга нашим ритуалом, я спросил: «Саид, возьмешь магнитофоны, кухонные комбайны и телевизоры?»

– Так вот кто перехватил груз уважаемого Абу ибн Хосана из Герата. Там были ящики с афганкой?

– Саид, все-то тебе известно. Я спалил коноплю.

– Ай, шурави, зачем так сделал, водители тоже говорят, что спалил. Уважаемый Хосан не поверил им и ищет свой товар.

– Надеюсь, что они живы еще, а то зря отпустили что ли?

– Я не знаю, думаю, что уже нет, ибо никто не отпускает водителей, когда их грабят, а обманывать уважаемого Хосана очень опасно.

– У них была взрывчатка, а это значит, что они «духи», а по спаленной афганке у меня есть пленка с твоего фотоаппарата.

– Они обычные «ишаки» – перевозчики грузов, но те, кто их курирует, дают им «нагрузку».

– Ладно, возьмешь или нет?

– У меня сейчас нет таких денег, я обращусь к Хосану, он выкупит свои товары.

– Хорошо, подгоняй свою машину в рощу у змеиного холма, там буду ждать.

Через час мы разгрузили грузовик, закинув ящики в машину Саида. Он поехал к себе, а мы в часть.

«О, мародеры прибыли, здорова Витек!» – поприветствовал меня Архангельский, когда Степа и я подрулили к его складу.

– Здравия желаю, тащ кэп! Вот попалась на дежурстве.

– Что там у тебя, ага, взрывчатка, отлично, напишу рапорт на твое отделение, а барахла никакого не было?

– Спалили килограмм 30 конопли.

– Эх, е-мае, но правильно, что спалили.

– Вот держи, пузырек, похоже, это 100 грамм арабских духов-концентрата.

Сергеа забрал пузырек, ведь он стоил очень приличных денег, по сравнению с которыми зарплата капитана была так, деньгами «на чай».

– Кент, если еще будут, я сдам куда надо, 50 % твои.

– Не вопрос.

Потом, дежуря в городе, я разговаривал с представителем Хосана.

– Нет, эфенди Рахим, я знаю, сколько стоят эти магнитофоны в ваших дуканах. А еще больше они стоят в «Военторге», а не уважаемый ли Хосан поставляет в наши магазины товар?

– Уважаемый Виктор, я имею полномочия предложить лишь такую цену.

– В таком случае я сдам все это нашим парням, они с удовольствием увезут ее домой бесплатно.

– Эфенди Хосан пожалуется вашему командованию.

– Тогда я сдам аппаратуру командованию, и буду специально охотиться на караваны эфенди Хосана.

– Я должен переговорить с эфенди Хосаном. Вы свою цену назвали.

«Да, только из уважения к эфенди Хосану, я скину цену на аппаратуру до вот этой цифры», – ответил я, нарисовав на бумажке стоимость товара.

Саид и Рахим посмотрели на сумму и согласно кивнули.

– Это уже разумнее, а не осталось ли у эфенди Виктора парфюма, его очень ждал Хосан – горит заказ.

– Они разошлись на подарки дамам, но пяток пузырьков есть по во-от такой цене.

– Но это же грабеж!

– Разве у бей эфенди, то есть, очень и совсем уважаемого Хосана не горит заказ?

– Надеюсь, вы не расскажете об этой оговорке эфенди Хосану, иначе мне не поздоровится.

– Нет, Рахим, не волнуйтесь, мне итак досадно, что так получилось с водителями.

– Увы, я не знаю, где они, я лишь торговец, а вы что, правда, спалили афганку?

– Да, есть фотографии в нашем полку в отчете.

– Не делайте так больше, если она вам попадется – мы выкупим ее.

– Я буду палить ее, если она попадется в караване, потому что она может оказаться в Союзе. Тут разговора не выйдет, а попадется опиум – я сдам нашим врачам.

– Понятно, боретесь за здоровье граждан страны.

– Да, как могу.

В общем, я сделал свой бизнес, Саид и Рахим получили свой бакшиш, а вырученные деньги я раздал поровну парням отделения.

За несколько удачных походов нашей части комроты Петров был отмечен орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, ребята из нашего полка также были награждены медалями, ну а ордена достались полковому начальству.

Так ко дню Победы меня и нескольких ребят из нашего взвода и моего отделения наградили медалью «За отвагу», а кого-то медалью «За боевые заслуги» и присвоили очередные звания. Так что я стал сержантом ВС СССР. К тому же был зачитан еще один приказ, в котором бойцы отделения награждались медалью «За боевые заслуги», а я орденом «Красной звезды» за поимку особо опасного шпиона – не забыли про нас пограничники, спасибо им. Однако в нашем третьем взводе разведбата были и потери. В связи с этим, потери были и в моем отделении, связанные с ротацией сержантского состава. «Отважный медалист» младший сержант Шмель стал командиром первого отделения, а такой же медалист Токарь – командиром второго, прививая неуставные порядки, царящие в нашем отделении, на новом месте службы. В том числе, они стали дополнительно комплектоваться или сдавать «мародерку» Саиду. Наш

комвзвода, старший сержант Толя Гукарин, нам не мешал, а даже поощрял наши дела или бизнес, сам им пользуясь в полной степени. Крутили мы все дела в основном через Саида.

Достали мы для «обмытия» медалей у афганцев местный самогон. Афганцы гнали самогон специально для «шурави». Помимо «шаропа», то есть самогона из гнилого винограда кишмиш или «кишмишовки» с добавлением даже не знаю чего, ну и, естественно, сахара. Самогон мы покупали у дукащика Абдуллы, которого нам передали военнослужащие, убывшие в Союз, напутствуя нас словами: «Парни, берите только у проверенных продавцов, иначе эти уроды могут какой-нибудь яд подсыпать, что бойцы слепнут».

Что на мой вкус, то этот самогон был «редчайшей гадостью», надо же было так напиток изуродовать. Кстати, существовала даже сочиненная солдатами песня про «шароп, который загонит меня в гроб». Напиток расфасовывался продавцами в полиэтиленовые пакеты, чтобы солдату было легче его прятать при прохождении КПП с дежурным офицером. Был специальный способ откупоривания этой емкости – обязательно с помощью ввинчивания в пакет автоматного патрона над котелком – самогон в таком случае стекал весь до капли. Мы же для своего отделения покупали у Абдуллы более «благородную» разновидность «шаропа», самогон, изготовленный на основе гранатового сока и сахара.

Вообще, советский солдат организовывал свой досуг по-разному. Солдаты чаще всего сами изготавливали брагу, которая бродила в емкостях для воды или топлива в БМП, в обшивках палаток или же в зарытых в горячий песок алюминиевых флягах. Могли заделать и из югославской карамели, продававшейся в магазинах Военторга. В моторизованных частях или реммастерских изготавливались самодельные самогонные аппараты, и солдаты варили самогон из сахара, афганской тутовой халвы и даже из томатной пасты. При помощи дистилляторов, случалось, перегоняли противоткатную жидкость, используемую в артиллерии. Кроме того, если у военнослужащего имелось достаточное количество чеков – военной валюты, в Афганистане доступны были и водка «Столичная», и даже шампанское. Можно было достать и медицинский спирт, например «Столичная» продавалась по 25 чеков за бутылку или в пересчете на рубли – 50 рублей, а в Союзе она тогда стоила 3,62 рубля. Но эти «благородные» напитки употребляли в основном офицеры.

Летом в жару я принципиально не пил и своим запрещал, вдруг задание, а ты с похмелья с больной головой – реакции заторможенная, а вот по холодам запас хорошей «огненной воды» у нас имелся. И с собой его брали на задания в зимние горы, иногда так замерзнешь под ветрами, что без согрева легко было заболеть.

К нам в отделение вместо ушедших ребят пришли двое рядовых – Женя Попов и Дима Карелин, получившие за свои пристрастия соответствующие клички, то есть позывные: «Мастер» или «Мастак», показывавший очень неплохие результаты в стрельбе из винтовки Драгунова и «Тестер» за увлечение радиоделом соответственно. Дима был сразу определен радистом и теперь таскал рацию, а Диод стал его наставником.

Вообще у нас в отделении собрались интересные ребята: Тестер, Диод и Токарь до армии занимались радиоделом, Токарь, Диод, Топтыгин, Филя и Степашка все занимались ремонтом и собиранием велосипедов, мопедов, мотоциклов, а Степан и Тестер еще и с ремонтом машин были знакомы. Ромео был гитарист, иногда лабая нам что-нибудь на гитаре, под которую мы все вместе пели, потому что Рома петь не умел от слова совсем. В общем, все были по-своему генераторами всяких идей, как там чего сделать, куда чего сдать, где чего достать. Сам же я больше тяготел к радиodelу.

Будучи вызванным начальством в штабной блиндаж по вопросу уточнения отчета об очередном рейде, увидел работающий фоном маленький черно-белый телевизор, по которому шел мультфильм «Малыш и Карлссон».

Придя к себе в палатку, я загадочно улыбался.

«Мужики, чего могло случиться такого, что наш командир после посещения начальства весь из себя загадочный и сам себе приятный?» – улыбаясь, заметил Док.

«Отставить смех, мужики, есть тема! – серьезно произнес комод, то есть я. – Есть предложение, как увеличить зону обзора в горах нашей группы».

«Интересно, что ты предлагаешь?» – парни оторвались от своих дел и взглянули на меня.

– Все смотрели мультфильм «Малыш и Карлссон»?

– Все, Малыш у нас есть, предлагаешь выбрать Карлссона?

– Хе, нет. Нам нужен дрон или вертолет, но этого у нас не будет, а вот создать боевого орла, то есть самолетик с видеокамерой и запустить его метров на 400 над землей, да еще при этом на гору залезть и все будет видно намного лучше, чем просто лежать на холме с биноклем. Мы все бы наблюдали на расстоянии, а не топали, чтобы проверить самим, рискуя здоровьем.

– Это тема, какой план действий?

– Товарищи радиолюбители, нам нужно будет создать приемо-передатчик с платой управления движением самолета и саму модель самолетика с бензиновым движком сварганить. Я схожу к летунам, должны же помочь с расчетами крыльев, самой конструкции, и в их ремонтные мастерские, движок нужно найти или заказать из Союза, материал для самолета, радиоэлементы, текстолит для платы и сам пульт управления.

– Хорошо, самолетик мы сделаем, а как смотреть будем. Или ты предлагаешь самого легкого назначить Карссоном и запускать в небо, хотя у нас Шмель уже есть?

– Японскую камеру с радиоканалом и телевизор я закажу у Саида, а к этому времени мы должны будем рассчитать и собрать самолет и блоки управления его полетом. В принципе, можно заказать и японскую игрушку радиоуправляемого вертолета, самого мощного, чтобы могла камеру поднять. Япошки, наверняка, такие вещи уже делают.

– Так может сразу заказать?

– Да вот я и не хочу все заказывать у Саида, поэтому игрушку вертолета закажу у Рахима.

– Может того,ждемся ее?

– А если она не подойдет, нет уж, в крайнем случае, будет второй, резервный «Зоркий глаз».

Одним словом, работа закипела. Я со Шмелем зашел к Саиду и, поприветствовав друга, спросил: «Саид, нужна пара 12 вольтовых телекамер с радиоканалом, питающихся от аккумуляторов, зарядки для них и парочка запасных, а также парочка портативных маленьких телевизоров с тем же частотным диапазоном. Достать сможешь?»

– Все можно, если это будет угодно Аллаху, телевизоры цветные?

– Это угодно Аллаху, лучше цветные.

– Тогда я сделаю заказ, думаю, что будут японские, цену узнаю, скажу позже, а зачем тебе?

– Саид, для работы надо, сам понимаешь, что больше не скажу, и ты никому не говори, не надо.

– Саид все понимает, чем меньше скажет, тем будет крепче спать. Я бы посоветовал тебе попробовать и игрушку «радиоуправляемый вертолет» приобрести.

– Ты читаешь мои мысли, Саид, а потянет ли он камеры с аккумуляторами?

– Не знаю, может и нет, закажу самый мощный.

– Саид, делай разные заказы, так будет лучше.

– Саид знает, что многие знают, что он работает с шурави Виктором, поэтому, если я сам сделаю такой заказ, да еще и в одно время, это будет плохо всем нам. Его сделает Рахим, а я сделаю заказ на камеры, но что тебе нужно раньше?

– Ты дважды прочитал мои мысли – камеры и телевизоры.

– Телевизоры закажет мой конкурент Барук из Герата, а я выкуплю у него их. Мы должны беречь себя, рафики Виктор. Хотя, кто захочет, все равно докопается, но это будет сложнее.

– Хорошо, Саид, мне или любому из наших передай сумму, которую я буду должен.

Обговорив с Саидом приобретение нужного оборудования, без которого у нас ничего не получится, я отправился к летунам. На КПП меня остановили, выяснили, с какого бодуна пехота пришла к королям неба. Узнав, что мне нужно встретиться с ремонтниками по важному военному делу, меня сопроводили в ремонтные боксы.

«Товарищ майор, вот тут к вам пехота пришла по важному военному делу» – доложил солдатик и, сдав меня вышедшему навстречу майору, ушел на пост.

– Командир ремонтной части вертолетного полка, майор Степченко Вячеслав Валентинович. По какому же такому вопросу, военному и важному, вы хотели меня видеть?

– Сержант Калинин, разведбат 497 полка, прибыл по следующему вопросу.

А далее я стал рассказывать о нашей задумке по проведению воздушной видеоразведке, в связи с чем, возникла необходимость создания радиоуправляемого самолета.

– Интересное дело задумали, а кто будет реализовывать?

– Схему и механику управления мы сами разработаем и соберем. Правда, у нас ничего нет: ни справочников по радиоэлементам, ни самих радиодеталей, ни движка, ни материалов, какие нужны для модели, только паяльник с припоем и канифолью. Хотя если в этом вы можете – будем рады. А вот как сделать легкий самолетик, мы не знаем – пропорции, размер крыльев, и что там вообще должно быть.

Степченко побарабанил пальцами по столу и сказал: «Нет, правда, здорово придумали, молодцы! Знаете что, парни, можно конечно и самим рассчитать схемы, если вы умеете, а непосредственно модель самолета я лично вам помогу рассчитать и собрать, но для вас же важно время?»

– Да, Вячеслав Валентинович, время важно, хотя не критично.

– Поэтому я предлагаю вам взять уже готовые варианты, которые разработали наши энтузиасты-конструкторы.

– А где же мы их возьмем?

– Как где, а журналы «Моделист-конструктор», «Радио», «Радиолобитель», я сам встречал такие схемки и макеты моделей. Только надо будет покопаться в литературе, – и, подняв палец вверх, предвещая мой вопрос, продолжил, – которая у меня есть».

– Отлично, нас в отделении несколько человек, умеющих держать паяльник в руках, крутить гайки и варить сварочным аппаратом все, что варится, так что рабочая сила будет.

– Это хорошо, а я, если что, то и своих ребят привлеку – есть у меня тут энтузиасты. Одним словом, я ищу, подбираю под схему материалы и детали. Собирать будем в наших мастерских, так что ребята, как будет все подготовлено, я зайду к вам, покажу, что нашел и переговорим. Вы же соседи наши?

– Так точно, перед Гузарой стоим с вашей стороны.

– Да, а главное-то, где вы брать камеры и телевизор собираетесь?

– Это я достану.

Степченко проводил меня к выходу из части. Мимо нас продефилировала девушка. Я засмотрелся, а Степченко поздоровался с ней: «Привет Рит, на смену?»

– Да, Вячеслав Валентинович, заступаю после обеда, а что это у вас сержанты такие любопытные, так смотрят, прямо засмущали меня!

– Это наша радиодиспетчер Рита Бударина. Рита, он скоро новую технику под твое командование сдаст, будешь полетом управлять.

– Это как же?

– Сержант Виктор Калинин, а про технику товарищ майор шутит, вы такой серьезной управляетесь – вертолеты, а у нас так будет, баловство.

А майор выполнил все, что обещал. Я переговорил с Петровым, объяснив ему суть дела, также с ним переговорил Степченко, поэтому наше отделение в дни отдыха от походов, поставив в известность комроты Петрова, уходило в ремонтные мастерские, чтобы творить будущее.

Через три недели с учетом времени сбора материалов, в небо была запущена модель самолета «Орел-1», камуфлированного расцветкой и навесными декоративными элементами своей формой под орла. Был он сборный, то есть крылья, хвост и ряд обвеса были в нашей модели на болтовых соединениях, поэтому быстро откручивались, и модель переводилась в походное положение. Когда было необходимо, самолетик собирался и запускался в небо. Управлялся он по радио до километра-полутора, зависело от высоты подвеса наземной антенны, а взлетал метров на 400 над землей. То есть залезаешь почти на вершину холма, выкидываешь антенну, прячешься там и управляешь полетом. Летал он без дозаправки полчаса. Так что был вполне приемлемой для нас моделью. Теперь ожидали камеры, чтобы довести боевой разведывательный дрон до ума. А сами клепали следующие модели «Орел-2, 3 и 4». Планировали сделать три штуки про запас, потому что при испытаниях в ущелье был сильный ветер, и самолетик так закрутило, что еле усадили на землю с небольшими поломками обшивки. Плюс ждали готовую радиомодель вертолета, чтобы проверить работу камер с ней.

Телекамеры и маленькие телевизоры фирмы «Панасоник» с крепежными комплектующими, согласно списку, и вертолет пришли через месяц. Закрепив одну на самолете, были проведены полевые испытания.

Ну, что сказать, конечно, это оборудование не 21-го века с цветными камерами с трансфокаторами, удобным управлением, малощумным двигателем, миниатюрными размерами, но самолет с ней поднимался на заданную высоту, на экране телевизора смотреть было можно, чтобы повернуть камеру, надо было поворачивать весь самолет, так как камера крепилась стационарно. Одним словом, модель имела право на жизнь, а мы дополнительный козырь в поиске и борьбе с душманами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.